

Александр Смирнов

КОЧЕВНИКИ

Космический эпос

Александр Смирнов

Кочевники. Космический эпос

«Издательские решения»

Смирнов А.

Кочевники. Космический эпос / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836394-8

Их забросила на неизвестную планету неведомая сила, но они выжили и стали править этим миром. И всё же угроза нависла над их новым домом. Найдется ли у них новый Тэмуджин?

ISBN 978-5-44-836394-8

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Часть 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кочевники Космический эпос

Александр Смирнов

© Александр Смирнов, 2018

ISBN 978-5-4483-6394-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Потомки Джичи:

Хан Улукбек – правитель планеты (90 лет).

Мэнэр – старший сын хана Улукбека. (Правитель Улуса)

Улзий – средний сын хана Улукбека. (Правитель Улуса)

Урнур – младший сын хана Улукбека. (Правитель Улуса)

Бяслан – отец хана Улукбека.

Шахрух – брат Улукбека. При великом Хане Улукбеке служит в качестве суйбаши.

Бадма – третья жена хана Улукбека, мать Урнура.

Басанг – жена хана Улзия.

Зана – дочь хана Улзия.

Дервиш:

Ширэ Джиладкан – носит рваную одежду и серый колпак. На груди у него висит амулет, сделанный из прозрачного камня. Общается с духами. Иногда, кажется, что знает о многом, но не говорит.

Кочевники, род Кайрат-бека:

Сумум-бек – тайджи. Старик преклонных лет с седой бородой.

Кайрат – старший сын Сумум-бека (отец Едугея) Ягычи – хана Урнура.

Ургалай невестка Сумум-бека (тридцать лет) жена Кайрата и мать Едугея.

Едугей – внуки Сумум-бека, сын Кайрата и Ургалай.

Цагаандорж – кочевник (примерно одного возраста с Сумум-беком) Его Юрта на краю стана и он живет в ней один.

Меркаиты:

Девелу – тайджи меркаитов. Приграничного с тайгой племени кочевников.

Мунх – ягычи меркаитов.

Бат-Эрдэнэ – буюрук меркаитов.

Воины:

Чойжи – один из воинов (батыров) хана Урнура.

Язим – ягычи хана Урнура.

Буха – ягычи хана Урнура

Акуд – буюрук кешикетов.

Жаргал и Жиргал – братья-близнецы. Воины из Улуса Мэнэра.

Дарга – воин хана Улзия. Пилот корабля – «Сарай».

Горожане и кочевники:

Ван Тие Мин – астроном.

Турсун – бывший тайджи, глава карсаков.

Пролог

Год белого бурундука. 10 эпоха Джучи.

Планета Ченгези.

Где-то в степи...

Дервиш появился в этих краях под вечер, когда Юлдуз последний раз коснулась, нежными лучами, степной травы и скрылась за горами. Видно было, что проделавший долгий путь, нищий устал. Одежда его поизносилась, а старый колпак порван в нескольких местах, а на шее среди лохмотьев висел странный амулет. Он хотел присесть, отдохнуть, но тут его взгляд привлек дымок, поднимавшийся в вечернее небо. Глаза дервиша радостно заблестели, и ему на секунду показалось, что усталость сама собой куда-то ушла, и он, чувствуя, стан кочевников близко, вновь обрел легкость. Нищий прибавил шаг и вскоре разглядел около десятка юрт, разбросанных на равнине. Двенадцать всадников с помощью деревянных изогнутых к низу палок, на своих низкорослых лошадках, чуть поодаль гоняли мяч. Несколько кочевников стреляли из ружей. Дервиш остановился и носом втянул запах, что витал в воздухе. В ближайшей юрте, у той, где стоял бунчук и принадлежащей не иначе тайджи, готовили плов. Нищий на секунду закрыл глаза и представил, как хозяин протягивает ему большой кусок мяса, затем жена его красавица подносит огромную пиалу с кумысом.

Чуткий слух дервиша уловил стук копыт, он приоткрыл глаза и взглянул в ту сторону, откуда тот доносился. Прямо к юрте тайджи, скакал парнишка лет тринадцати-четырнадцати. Не иначе сынишка хозяина стойбища. Юный батыр спрыгнул с коня и под узду повел его к табуну. Дервиш улыбнулся, вновь закрыл глаза и попытался представить, как его потчует хозяин юрты. В этот раз у него ничего не получилось, ко всему прочему на секунду показалось, что слышит он голоса. Совсем рядом. Нищий открыл глаза и огляделся. Рядом никого не было.

– Уже с голоду начало мерещится, – проговорил он и ускорил шаг.

Дервиш шел между юрт, ловя на себе взгляды любопытных мальчишек. Игравшие в мяч всадники, прекратили своё занятие и уставились в его сторону. Ходил слух среди кочевников, что только этот странный бедняк мог общаться с душами предков. Обычно его появление не сулило ничего хорошего. Дервиш приблизился к юрте тайджи. Только собаки не испытывали перед ним никакого ни трепета, ни страха. При виде чужого они подняли лай. Из юрты вышел мужчина лет двадцати пяти, в красном халате с косым бортом, зеленых шароварах и оранжевых сапогах. На голове у него была меховая шапка, надвинутая на глаза. Обвисшие усы, небольшая борода. В правой руке плетль.

– Могу ли я войти, – по старой традиции, оставшейся еще со времен прародителя их Тимуджина, проговорил дервиш. При чем сделал это он так громко, насколько хватило ему сил. Не дай бог, хозяин дома подумает, что дурные у гостя намерения.

– Входи гость дорогой. Наш дом – твой дом, – проговорил кочевник.

Дервиш вошел первым. Остановился на пороге, окинул взглядом юрту. Против входа, в северной стороне, самая почетная часть дома, где принимали обычно гостей. Там теиджи. Дервиш ошибся, посчитав его человеком средних лет, на самом деле тот оказался стариком преклонных лет с седой бородой. На нем темно-синий халат, украшенный золотом, серебром и жемчугом, желтые шаровары и сапоги, коричневые и слегка потертые. В руках чаша с кумысом, которую он поднес к беззубому рту. Рядом с ним главный сундук, в котором старец хранит вещи, принадлежавшие когда-то его предкам. Остальная домашняя утварь стоит вдоль стен полукругом.

В восточной половине юрты, шептались две женщины. Старшая из них, по всей видимости, супруга хозяина, пыталась что-то втолковать молодой тридцатилетней красавице. Дервиш

предположил, что это младшая жена тейджи, но тут, же передумал, уж больно хорошие были отношения между женщинами. В самом центре на камнях, под отверстием в крыше, стоял котел, в котором жарилась баранина. Она была такой аппетитной, что путник невольно облизнулся. Возле очага, возясь с мясом, еще одна женщина. Не иначе младшая, решил дервиш, и тут же ощутил на себе недовольный взгляд старшей из жен.

В западной, мужской, части юрты сидел и чистил огнестрельное оружие, еще один сын старика. Второй, стоял за спиной дервиша, не зная, как и поступить. То ли попросить гостя подойти к отцу, то ли выйти из юрты на улицу. Первым среагировал старик, поставивший чашу с кумысом перед собой, и молвивший:

– Проходи, гость дорогой, – рукой показывал на свободное место рядом с собой. – И вы, дети мои, присоединяйтесь.

Дервиш обошел очаг и присел рядом с тейджи. Сыновья присели напротив отца. Старик взглянул на пустую чашу и прикрикнул, обращаясь к младшей жене:

– Эй, Сарнай, налей нам кумысу.

Девушка, покорно склонив голову, притащила из мужской половины юрты бурдюк, наполнила чашки и тут же ушла возиться с бараниной.

– Ургалай, – вновь проговорил старик, и дервиш понял, что тот обращается к своей невестке, – позови сюда внука Едугея. Он уже вырос и имеет право присутствовать, когда мужчины беседовать будут.

Невестка выскочила из юрты, и до дервиша донеслось, как она бранила мальчишку, за то, что тот разорвал халат. Нищий невольно улыбнулся.

Едугея он увидел через минуту. Сначала в проход просунулась голова парнишки, того самого, что несколько минут назад прискакал на скакуне, и лишь потом, словно перепрыгивая порог, вошел и сам батыр. Дервиш не ошибся, мысленно назвав его так.

– Садись, – молвил старик и рукой указал на освободившееся место.

Паренек сел рядом с дедом. Окинул рваные одежды дервиша и спросил:

– Ты кто?

И тут же получил от старика подзатыльник.

– Прости его, дорогой гость, – проговорил тейджи, – молод еще и не знает всех обычаев.

– Пусть спрашивает, – молвил дервиш, – любопытство не порок.

– Кто ты? – осмелился Едугей.

– Меня зовут Ширэ Джиладкан. Я дервиш. Странствую по свету в поисках истины.

Старик улыбнулся, взглянул на нищего. Едугей насупился. Человек в лохмотьях и сером колпаке ему не понравился. Что-то в нём было жуткое. Когда же рядом с дедом сел осмелел. Влез в разговор, отчего и получил подзатыльник. После чего решил сидеть тихо. Хотя во время беседы изредка, но косился на странника. Да и тот время от времени посматривал в его сторону. Больше всего заинтересовал парнишку амулет, что висел на шее у нищего. На маленькой тоненькой золотой цепочке прозрачный камень. Попадались Едугею красные, бирюзовые, голубые и даже зеленые, но вот такого он никогда еще не видел. В амулете то и дело отражался огонь очага, и казалось, камушек жил своей жизнью.

– Погода нынче отменная, – неожиданно сменил разговор Сумум-бек.

– Что верно, то верно, – проговорил дервиш, – у вас тут хорошо. Откуда я иду, вот уже неделю льет дождь, и грохочут молнии. Жуткая вещь вам скажу.

Кочевники дружно закивали.

– Куда и зачем ты идешь? – полюбопытствовал старик, поднося чашу с кумысом ко рту.

– К хану с хорошими вестями спешу, – ответил дервиш и впился зубами в мясо. Оторвал кусок и стал жадно жевать, словно и не ел больше месяца.

– А, что за вести? – спросил Арвай, понимая, что странник на них просто может не ответить.

– Духи предков сообщили мне, что война, которая идет между улусами, должна вот-вот кончиться...

От этих слов на лице старика появилась улыбка

– Хорошие вести ты принес мне, Ширэ Джиладкан. Добрые.

Когда Сумум-бек предложил дервишу занять лучшее ложе в юрте, чтобы тот смог выспаться перед дальней дорогой, нищий отказался.

Тайджи взглянул на внука и проговорил:

– Едугей проводи Ширэ Джиладкана до юрты Цагаандоржа, да сам немедленно сюда возвращайся.

Не хотелось оставаться наедине с этим таинственным незнакомцем, но другого выхода у паренька не было. Пока до юрты шли, Едугей ни слова не проронил, лишь только изредка косился на амулет дервиша.

– Интересно, наверное? – спросил вдруг Ширэ Джиладкан, останавливаясь.

Едугей непроизвольно кивнул. Он бы сейчас с удовольствием убежал, да вот только ослушаться деда боялся.

– Вижу что интересно, – продолжал между тем дервиш. – Так и быть. Тебе скажу, только ты больше ни кому об этом не рассказывай. Хорошо?

Едугей хотел было ответить, но рот словно парализовало. Оставалось только кивнуть.

– Вот и ладно, – проговорил нищий. – С помощью этого амулета, я общаюсь с духами предков.

Ширэ Джиладкан поднес руку к украшению и уже хотел, было, его снять, но парнишка вдруг рванул с места и убежал. Дервиш рассмеялся, он чувствовал, что любопытство заставит вернуться парнишку, вряд ли тот упустит момент посмотреть, как нищий будет общаться с духами.

Его смех привлек внимание хозяина юрты, тот вышел, оглядел гостя и произнес:

– Мой дом – твой дом. Проходи, гость дорогой.

Ширэ Джиладкан вошел в юрту. Жилище Цагаандоржа ничем не отличалось от других. Посреди юрты очаг, вдоль стен скромная утварь. Вот только женщина в ней была, наверное, давно. Дервиш почувствовал, что Цагаандорж здесь жил совершенно один. Отшельник. Ширэ Джиладкан посмотрел на Цагаандоржа и уточнил, знает ли тот распоряжение тайджи? Получив утвердительный ответ, нищий улыбнулся и попросил его оставить одного.

Цагаандорж пятясь, ушел из юрты. Животный страх, перед человеком, общавшимся с духами предков, был сильнее, чем любой приказ тайджи, тем более Арвай обещал, что эту ночь он – Цагаандорж проведет в юрте вождя племени.

Дервиш оказался прав. Едугей действительно, когда стемнело, вернулся к юрте Цагаандоржа. Приоткрыл ткань, закрывавшую вход, и проскользнул, стараясь не шуметь, внутрь.

В очаге горела черная ткань, неизвестно, откуда взявшаяся у дервиша. Вонючий густой дым поднимался к отверстию в крыше и уходил в небо. Едугей сдержался, чтобы не чихнуть, даже зажал пальцами нос. Нищий сидел спиной к входу, и казалось, дремал, но паренек знал, что это не так. Скорее всего, предположил внук тайджи, Ширэ Джиладкан нанюхавшись дыма, медитировал. Напротив дервиша, с противоположной стороны очага был воткнут в землю посох, на вершине которого весел амулет.

Едугей прислушался и услышал, как дервиш произносит какие-то непонятные слова. Ему даже на секунду показалось, что он услышал какое-то шипение. Скорее всего, этот звук издавал огонь, пожиравший материю, решил паренек.

Неожиданно дервиш вдруг запел. Делал он это негромко и как-то таинственно. Слова слетали с его губ, образуя какую-то абракадабру. Едугей попробовал было повторить, но у него

ничего не получилось. Между тем нищий стал раскачиваться из стороны в сторону, потом поднялся и начал пританцовывать, Едугею сначала показалось, что пляшет тот вокруг очага, но через мгновение батыр, вдруг, понял, что дервиш танцует вокруг посоха. Причем глаза нищего были закрыты. Неожиданно он замер, как раз напротив того места, где сидел паренек, поднял правую руку и пальцем указал на него.

Едугей, не чуя ног, выскочил из юрты, чуть не сбив один из сундуков Цагаандоржа. Раздался грохот и дервиш открыл глаза.

– Все равно духи предков приняли решение, – проговорил он, глядя, как колыхается завеса. – И, боюсь, тебе не суждено, Едыгей, отправиться к будущей невесте.

Утром в юрту тайджи заглянул дервиш. Он опустился на ковер рядом со стариком и проговорил:

– Выполнил я твою просьбу, Сумум-бек. Поговорил вчера с духами предков.

– Ну! И что сказали тебе они, Ширэ Джиладкан?

Старик протянул дервишу пиалу с кумысом. Дервиш принял ее из рук хозяина, поклонился и сделал глоток.

– Боюсь, не хотят духи, чтобы внук твой женился.

Самум-бек сначала побледнел, потом побледнел, хотел было вспыхнуть, но слова, шедшие из уст дервиша, были произнесены духами предков. Он отпустил глаза, уставившись в ковер.

– Но... – начал было тайджи

– Внук твой должен жениться позже! А сейчас на него у предков другие планы.

– Какие? – любопытствовал старик.

– Хотел бы я тебе сказать, да только сам не знаю. На этот вопрос, когда я его задал духам, те промолчали. Видимо еще не время произносить их вслух.

Дервиш замолк. Хотел бы он что-то еще сказать, но помня вчерашнюю свою медитацию, промолчал. Выдавать происшедшее ночью в юрте ему не очень-то и хотелось. Много знать старику, пусть и даже тайджи, пока не нужно. Дервиш невольно коснулся амулета. Тот был холоден. Когда духи хотели говорить с ним, он начинал нагреваться. Тогда требовалось найти уединенное место. Обычно нищий разжигал костер, отрывал от халата кусок материи и бросал в него. В этот раз духи Ширэ Джиладкана не тревожили, но Сумум-бек попросил с ними связаться, и дервиш пошел на встречу. Благо разводить костер в юрте кочевников не требовалось. Ну, а то, что говорили ему во время разговора, пока кроме него, никому знать не нужно. То, что будет можно, он скажет потом, когда будет покидать стан кочевников.

Сумум-бек оглядел еще раз дервиша. Покачал головой. Обернулся к старшей жене, что возилась в женской части юрты:

– Замбага, принеси мне один из халатов. Я хочу отблагодарить дервиша.

– О нет, – молвил Ширэ Джиладкан, – не надо, тайджи.

– Но твой халат совсем износился!

Дервиш отрицательно покачал головой.

– Я не могу принять этот дар достопочтимый, Сумум-бек.

Замбага протянула, аккуратно сложенный халат, только дервиш отстранил его.

– Не надо.

Тайджи хотел вновь вспыхнуть. Было большой наглостью отвергать его подарок, но, увидев, как сверкнул под складками старого, порванного халата амулет, произнес:

– Небо тому судья, я лишь только хотел тебя отблагодарить.

Неожиданно нищий встал, поклонился и произнес, что должен отправляться в дорогу.

– Может тебе коня дать? Или сопровождение?

– Не надо, тайджи!

– Позволь тогда мне самому проводить тебя?

Ширэ Джиладкан улыбнулся.

– Ты тут хозяин, тайджи.

Сумум-бек поднялся с ковра и лично приподнял ткань, закрывавшую проход. Когда вышли из юрты, к деду подошел Едугей. Он встал позади тайджи, ожидая, что скажет нищий. Небось, нажаловался, решил малец, но тот, взглянув на молодого кочевника, произнес:

– Быть тебе, Едугей – великим воином. Не сейчас, конечно, а позже, когда ты окрепнешь телом и духом. Ибо так решили духи предков. И помни, Едугей, вскоре я за тобой приду!

Проговорил дервиш, и медленно пошел по тропинке на юг, где среди степи на берегу реки Судзи раскинулся единственный город на планете – Джучистан.

Едугей стоял позади старика и смотрел вслед удаляющемуся нищему, до тех пор, пока серый колпак не исчез за горизонтом.

Часть 1

Год белого бурундука, 10 эпохи Джучи.
Планета Ченгези.

С того момента как Ширэ Джиладкан покинул становище Сумум-бека – прошло дней двадцать. После общения с духами в юрте одного из кочевников, духи предков больше не беспокоили дервиша. Да и сам странник все больше и больше задавался вопросом, для чего юный батыр понадобился им. Духи утверждали, что именно Едугей возглавит кочевников, чтобы они покинули пределы этой маленькой и ставшей со временем тесной планеты. Не верилось, признался себя Ширэ Джиладкан, зачем искать батыра на стороне, когда у хана Улукбека с десятков родных сыновей и около сотни незаконных. Тем более духи утверждали, полководец нужен как можно скорее, а ведь Едугею (дервиш так и не узнал возраст паренька) всего-то лет тринадцать-четырнадцать. Пойдут ли за ним кочевники? А вот за детьми хана Улукбека, особенно тремя старшими, стояли воины их улусов. Но может духам предков с небес лучше видать, как на самом деле обстоят дела на Ченгези? С такими мыслями Ширэ Джиладкан одиноко брел к городу, неся хану новые сведения. Он останавливался в становищах, что попадались на пути. Ел, спал, разговаривал, выслушивал просьбы, но всегда отказывал. Пару раз дервиш попытался вызвать духов, но камень амулета был холоден.

Единственный город на планете, где находился величественный ханский дворец, он увидел еще издали. Когда-то духи сами указали сыну Чингисхана Джучи возвести крепость на берегу самой полноводной, как потом выяснилось, реки этого мира. Ширэ Джиладкан вспомнил, однажды находясь у хана Улукбека, слушал, как тому местный поэт Мунтахаб аттаварих-и Му'ини читал бармаки, посвященные Судзи. Голос того звучал так звонко и завораживающе, что дервиш смог представить реку текущую с вершин гор. Увидеть, как она из маленького ручейка превращается в нечто огромное и почти живое. Да и сам город, с величественными зданиями, массивными башнями и стенами, способными выдержать не один набег, имел право быть воспетым в поэмах. В тот раз Ширэ Джиладкан обратился к Му'ини с вопросом: сможет ли тот сочинить нечто подобное о Джучистане? Поэт покачал головой и сказал, опуская глаза:

– Не достоин я.

А ведь в городе было много такого, чего больше нигде и не увидишь. Хотя бы широкие улицы, просторные площади, великолепные сады, где были собраны, благодаря стараниям китайских мудрецов из улуса Джучи, растения со всей планеты.

Поняв, что все равно не успевает, восемь городских ворот (по два на каждую сторону света) с наступлением сумерек закрывали, дервиш попытался отыскать место, где он в безопасности мог бы скоротать ночь. Такое он нашел под одиноко стоящим деревом. Направился туда и развел костер. Еще раз коснулся амулета в надежде, что духи предков дадут ему последнее наставление, но тот был холодный.

Воткнув посох в землю, и присев рядом, дервиш тут же заснул.

На следующий день Ширэ Джиладкан подошел к водной глади реки. Отыскал каменный мост, построенный в старые времена бывшими рабами великих монголов. Смешался с толпой, спешащей в город.

У ворот его, как впрочем, и всех идущих в город остановили. Багатур турганов в сопровождении двух человек медленно пропускал пришедших, предварительно интересуясь, для чего тот или иной направляется в Джучистан. Когда очередь подошла до дервиша, он побледнел. Появление нищего во дворце хана обычно не приносило ничего хорошего. Спрашивать для чего Ширэ Джиладкан пришел в этот раз он не стал. Подозвал двух воинов, что стояли вда-

леке, взмахом руки. Вооруженные огнестрельным оружием, в пластинчатых доспехах из маюнгир, они тут же подбежали к десятнику. Вытянулись, застыв в ожидании приказа.

– Проводите уважаемого дервиша до дворца, – распорядился багатур.

Ширэ Джиладкан улыбнулся. Он понимал, что мера эта, в отношении него, вынужденная. Народ при виде дервиша, обычно бросался с различными просьбами, и тогда дорога до дворца, занимавшая полтора часа, растягивалась на сутки. Да и ко всему прочему в городе существовали люди, которые терпеть не могли человека общавшегося с духами. Здесь по-прежнему, в отличие от места обитания кочевников, тайно существовали культы, посвященные старым богам. Особенно арабы, те ни в какую не желали отречься от Аллаха. Хан Улукбек вынужден был, благо те приносили огромную пользу не только городу, но и ханству, не обращать на это внимания. Они да еще китайцы улучшали их мир. Именно они сообщили Джучи, что находятся монголы не на родной планете.

Самым величайшим сооружением в городе, да и на всей планете, как считали монголы, был ханский дворец. Огромный зал для приема верноподданных, две сотни комнат, половину из которых составляли женские покои. Что-что, а хан Улукбек, не смотря на свой возраст, а ему уже шел девятый десяток, предпочитал проводить каждую ночь в обществе молодой наложницы. Единственной женщиной, которую по-настоящему любил правитель, была его первая супруга, но животная страсть (осталась только одна платоническая) исчезла после того, как Хонгурзул родила ему третьего сына. Прогонять или даже отстранять хан ее от себя не стал. Иногда даже консультировался с ней, как в той или иной ситуации поступать. Но, увы, лет десять назад Хозгурзул умерла, и Улукбек почувствовал себя совершенно одиноким. Вот и сейчас стоя перед девицами, он размышлял, кого из этой сотни ему выбрать. Туяа, Бадрал, Чойжил или может Кыз-тугмас? Каждой совсем недавно девятнадцать лет исполнилось. Все идеальны, иначе, зачем Айтек, человек, пополнявший его гарем, каждый год по планете заставлял своих людей путешествовать. Хан Улукбек ходил вдоль длинного ряда красавиц, изредка бросая взгляд то на одну, то на другую. Сайхан, Дулмаа или Жанчив? У каждой свои достоинства и недостатки. Эта в постели ласкова, но болтлива. Та холодна, но божественна. Другая готова на все, но при этом ленива.

Улунбек остановился около черноокой красавицы. Волосы у нее заплетены в многочисленные косички, от тела исходить запах молока. Хан взглянул на нее, словно видел ее в первый раз.

– Сегодня. Ты, – проговорил он властно, развернулся и направился к выходу.

Глаза у девушки заблестели. Выбор сделан.

Евнух отворил перед ханом Улукбеком дверь. Правителю даже на какое-то мгновение вдруг стало жалко. Пришлось кастрировать несчастного, чтобы тот не позарился на то, что ему никогда не будет принадлежать. Вышел из комнаты. Дверь тут же за ним закрылась, чтобы не один из четырех тургаудов, что постоянно ходили за ханом не заглянул туда.

Сейчас хан Улукбек направлялся в тронный зал. Там он собирался встретиться с суйбаши. Обстановка в подвластных ему улусах была напряженной, его сыновья не могли миром разрешить все свои конфликты. Урнур, Мэнэр и Улзий вечно воевали друг с другом, находя всевозможные причины и поводы. А ведь Улукбек уже стар. Сколько ему еще осталось жить на этом свете? Год, два, пять? А на старших сыновей положиться не возможно.

Два тургауда открыли для него двери в просторный зал, пропуская правителя. Их четверо товарищей, проследовали за ханом и заняли места позади трона. Хан Улукбек подошел к стене и дотронулся. Эти камни помнили слова Джучи, произнесенные им когда-то тут.

– Какие, вы, холодные, – проворчал правитель, – но за вами чувствую я себя в безопасности. К сожалению, и мне суждено умереть, – хан провел рукой по кладке, словно пытаясь

погладить их, – Увы, ни вы, ни мои верные кешикеты не способны остановить неизбежное. Я, увывы, уже стар.

Улукбек подошел к трону. Коснулся его. Минуту стоял, опираясь на подлокотник, затем сел и громко крикнул, чтобы к нему немедленно явился суйбаши. Пока того не было, хан вновь задумался о сыновьях. Так же было когда-то и с ним. Вот только братья тогда уступили воле отца, что с позволения духов предков, назвал Улукбека своим приемником. Гуйджи был младше его на год, Сюиджо на три, Шахрух на пять. При этом только с младшим у них была одна мать. И только его Улукбек всегда понимал с полуслова. Поэтому, когда отец назвал его своим приемником, тот, не задумываясь, пообещал Шахруху должность суйбаши. Нет, он двух других братьев не обидел, одного назначил судьей, пообещав ему, по сложившейся традиции, совершить девять преступлений, за которые брат не будет наказан, другого одарил богатством...

Между тем туаргауды распахнули двери, и в зал вошел суйбаши. Он остановился в паре метров от трона и поклонился.

«А ведь Шахрух совсем не изменился, – подумал Улукбек, – несмотря на годы, выглядит молодо. Может быть, ему передать власть на планете? Назначить приемником?»

Суйбаши смотрел на правителя, ожидая, что тот скажет. Хан взглянул на своего брата.

– Ответь мне на один вопрос, Шахрух? – спросил он.

– Да, хан.

– Ответь мне, Шахрух, когда дети мои перестанут, между собой, грызся? Словно не люди они, а какие-то голодные шакалы. Что им не хватает?

– Вспомни, Улукбек, что и мы с братьями постоянно враждовали...

– Но... Это было из-за Хонгурзул. Помню, в тот год Юрги выкрал ее, чтобы самому взять в жены.

– И ты обратился ко мне за помощью, так как с детства только со мной был все время дружен.

– О, да. Я помню, как ждал твое появление на свет, Шахрух. Бегал вокруг юрты, в которой рожала наша мать. В тот раз я тебя ни кому не дал бы в обиду. Помню, как вместе с тобой скакали мы по степи...

– Уж не о смерти ли ты задумался, хан Улукбек?

– О ней, брат. О ней. Стар я уже. Годы, когда я мог скакать по степи в прошлом...

– Так и я не молод. – Сказал Шахрух, догадываясь, куда клонит брат. – Только ведь ты меня, великий хан, не для этого вызвал.

– Не за этим, – проговорил Улукбек. – Я хочу остановить сыновей.

– С помощью огня и силы?

– Если не будет другого выхода то да. Так что готов кешикетов.

Суйбаши тяжело вздохнул. Он понимал, что примерять все время враждующих братьев придется ему. Шахрух видел, как стали в последнее время воевать сыновья хана. Набегами на отдельные племена одного из улусов, победитель полностью старался вырезать все мужское население, оставляя в живых только женщин и детей. Незавидная участь. Если и повезло не погибнуть во время набега, то женщины вынуждены становиться наложницами, а их дети превращались в маленьких воинов, с помощью которых тот или иной хан, собиравшийся в будущем править миром.

– Война это большое событие затрагивающее подъем и падение государства. – Проговорил суйбаши.

– Выступление хана против сыновей заставит их объединиться...

– Надолго ли, – вздохнул Шахрух. – Или мы их разобьем, или они нас. Но в любом случае, объединение твоих детей будет временным. Недаром наш отец беспокоился за тебя. Прежде

чем подняться на небо, он призвал меня к себе. Хан велел присматривать за тобой, никогда не знавшим настоящих войн.

Улукбек стукнул кулаком по подлокотнику. Увидел, как вздрогнул суйбаши. Шахрух, не ожидал, до такой степени разгневает брата.

– Хан опасался, что ты будешь, вряд ли способен управлять в мятежные времена. И вижу, они настали, – суйбаши вздохнул, – жаль, мы теперь оба с тобой старые.

– Старые, – согласился хан.

Двери в тронный зал распахнулись, и вошел багатур, командовавший дворцовыми тургаудами. Он поклонился и проговорил:

– Хан, к вам прибыл дервиш!

– Дервиш?!

Улукбек побледнел. Не иначе духи послали уже за ним. Дервиш ни когда не появлялся в городе, а уж тем более во дворце без причины.

– Стой! – приказал дервишу, багатур. – Мне нужно доложить о тебе великому хану!

Ширэ Джиладкан побагровел. Он не ожидал, что сей никчемный кешикет будет создавать ему препятствие. Ведь знает, презренный пес хана Улукбека, что дервиши просто так во дворец не приходят. Стало быть, есть у «общающегося с духами предков» к правителю послание. Но, как бы то ни было, Ширэ Джиладкан вынужден был смириться с неприятным ему дворцовым этикетом. Багатур приоткрыл дверь в тронный зал и вошел в помещение.

До этого дервишу пришлось, вначале пройти, в сопровождении начальника стражи, по длинному коридору, украшенному коврами ручной работы. Затем подняться на лифте на пять этажей, чуть ли не под самую крышу, потом прогуляться по балкону, где ему выпала вот уже который раз возможность полюбоваться городом с высоты чуть ли не птичьего полета, и лишь только после этого замереть на месте.

Стражников, что стояли у дверей тронного зала Ширэ Джиладкан никогда раньше не видел. Вполне возможно, решил он, что хан с возрастом стал мнительным и постоянно менял воинов.

«Глупо, – подумал дервиш, – очень глупо. Лучше, когда людей, что тебя охраняют знать в лицо. Хотя с другой стороны...»

Сформулировать мысль не дал амулет. Он стал медленно нагреваться.

– Не сейчас, – прошептал нищий, – только не сейчас.

Его слова привлекли внимание тургаудов. Рука одного из них невольно потянулась к карабину, что висел у того за спиной, но он вовремя спохватился, вспомнив, кто сейчас перед ними стоял.

Камень перестал греться, как только из двери появился багатур.

– Хан желает вас видеть, – проговорил тот, пропуская дервиша внутрь.

Ширэ Джиладкан вошел в просторный зал. Здесь он бывал уже не раз. Когда-то впервые его сюда привел предшественник. Старик тогда просто сообщил хану Улукбеку, что духи предков избрали себе нового дервиша, а ему разрешили уйти в пустошь. Тогда правитель был еще молод. Он с недоверием взглянул на преемника. Тот был совсем еще мальчишкой. Уточнил у старика, а сможет ли тот? Дервиш тогда только улыбнулся.

– Или ты, хан, считаешь, что я не был так же юн, как и он?

Улукбек промолчал.

С тех пор он много раз бывал во дворце. Встречался с мудрецами, учеными, ханом и мастерами. Передавал им те знания, которыми желали делиться предки. Духи утверждали, когда он задал один из своих глупых вопросов, откуда они столько знают, что информацией пропитана вся природа, да только доступна она просветленным, но чтобы понять это, нужно умереть. Под просветленными, Ширэ Джиладкан предположил, те, скорее всего, подразуме-

вали себя. А он, дервиш, всего лишь их голос в мире живых. Его учитель, имя которого стерлось из памяти со временем, утверждал, что именно духи поведали им, дервишам, о том, как сделать оружие, стреляющем огнем, более совершенным. Они подсказали, как поднимать тяжести на большую высоту. Именно духам, принадлежала идея создать самоходные тележки. Последнее уже сам дервиш, в одно из посещений города, поведал хану. Вот только правитель, почему-то отверг это. Когда Ширэ Джиладкан сообщил во время медитации это духам предков, он рассчитывал, что те разгневаются, но на удивления этого не произошло.

Учитель, когда привел его сюда в первый раз, утверждал, что и хан, будучи еще ребенком, способен был общаться с духами. Без них, он никогда не стал бы тем, кем сейчас являлся. Вот только после того, как хан получал «ярлык», правитель напрочь забывал об этом.

Ширэ Джиладкан оглядел присутствующих. Сам хан Улукбек. Совсем старый стал, отметил он. Суйбаши Шахрух умный и умелый воин. Четыре тургауда, те стояли за троном. Дервиш поклонился, приветствуя хана.

Улукбек, хотел взмахом руки прогнать из зала суйбаши, но Ширэ Джиладкан произнес:

– Не надо. Разговор, касается вас обоих. Ибо так повелели духи.

– Хорошо, – молвил хан. Рукой предложил и дервишу и суйбаши сесть напротив трона.

Мягкая подушка. Сидеть на ней одно удовольствие, отметил дервиш. Он закрыл глаза и коснулся амулета. Камень сейчас был холоден. Вполне возможно духи уже знали: он добрался до цели. Улукбек взглянул на Ширэ Джиладкан, ожидая, когда тот начнет раскачиваться из стороны в сторону, произнося непонятные, магические слова, но этого не произошло.

– Духи предков гnevаются, – произнес, не открывая глаз, Ширэ Джиладкан. – Им надоело смотреть, как потомки монголов в междоусобных войнах убивают друг друга.

Хан хотел было высказаться, но сдержался. Сейчас с ним говорил не какой-то нищий, а человек, общающийся с предками.

– Когда над планетой нависла огромная и страшная угроза, – продолжал между тем дервиш, – духи желают, чтобы потомки объединились. Перестали грызться, как шакалы, а объединили свои силы против общего врага.

Братья переглянулись: что за ерунду начал говорить посланец духов? А тот, не открывая глаз, произнес, словно видел их реакцию:

– Духи просят относиться к их словам, как можно серьезнее. Они сообщают, что злые демоны с небес мечтают завоевать планету, а монголов превратить в рабов.

Хан вздрогнул. Он взглянул на Шахруха. Не об этих ли мятежных временах только что говорил суйбаши?

– Но... – промямлил Улукбек. Язык словно онемел от таких новостей. – Я уже стар. И не смогу...

– Духи знают, что ты стар, великий хан Улукбек. А сыновья твои просто не способны объединить войско, против общего врага.

– И что, нам делать? – хором проговорили братья.

Дервиш открыл глаза. Наваждение, появившееся на секунду, куда-то исчезло. Слова, возникавшие в голове, растворились. Он взглянул сначала на суйбаши, потом на великого хана. Улыбнулся.

– Духи сообщили мне, что дадут знак. Указывающий на того, кто будет править ханством после твоей смерти, уважаемый Улукбек. Сейчас желательно, послать гонцов в улусы твоих сыновей.

– Для чего? – полюбопытствовал хан, и тут же ощутил себя дураком. Он улыбнулся: – Духи предков желают, чтобы мои сыновья прибыли сюда?

– Да, – ответил Ширэ Джиладкан. Он встал с подушки. Посмотрел на хана, причем сделал это так пристально, что у Улукбека мурашки пробежали по спине. Словно смотрел на него не дервиш, а кто-то другой, загадочный и таинственный. Хану даже показалось, что взгляд

этот исходил откуда-то из-под одежды. – Да, – повторил нищий: – Духи желают, чтобы твои сыновья, и те, кто в улусах, и те, кто живет в городе, и те, кто обитает во дворце, собрались в одном месте. И дают на все про все тебе, хан, – два месяца.

И вышел. Никто не посмел остановить дервиша.

Утром Кайрат, сын Сумум-бея, выбрался из шатра. Какое-то время вглядывался в голубое, с белыми облачками, небо. Там в вышине кружили два огромных орла. Первой мыслью ягычи было – это знак. Сегодня должна произойти битва между двумя ханами.

«Остаться в живых или умереть», – пронеслось в голове Кайрата.

А между тем лагерь хана Урнур проснулся. Жизнь уже была ключом. Ягычи разглядел воина из своего племени, присевшего на траву, заряжавшего ружье. Всего пара выстрелов, но и их хватит, чтобы отправить, хотя бы двоих, к предкам. Воин почувствовал взгляд Кайрата, заулыбался, замахал рукой. Напротив него сидел еще один батыр и возился с шашкой. Чуть правее от юрты заржала кобыла, и ягычи невольно повернулся. Совсем еще молодой хабуту, чуть старше сына Кайрата, возился с упряжью своей лошади. Мимо пробежал с лаем пес.

«А он-то, откуда здесь, – подумал Кайрат, – что пес здесь делает? Жаль, что скоро эта идиллия закончится. Загрохочут ружья, засвистят пули, поднимется в голубое небо из-под ног лошадей пыль, и Юлдуз скроется в густом облаке».

– Ну, ты и спать, ягычи, – проговорил, похлопав его по плечу, хан Урнур (Кайрат не заметил, как тот вышел из соседней юрты). – Скоро бой, а после него у многих появится возможность отдохнуть.

Ягычи понимающе кивнул. Скоро и он может оказаться среди предков. Воин как-то не задумывался об этом. Да и жизнь казалась развлечением, в котором действовало только одно правило: «Если не ты, то тебя!». Раньше все было по-другому. Обычно джагуны хана Урнур налетали на стоянки других племен, тех, что принадлежали одному из соседних улусов. Подчистую вырезая всех мужчин, оставляя в живых только маленьких детей, что еще в седле ни разу не были, да женщин. Брали их в полон, уводили как можно дальше. Хан считал, что оставлять в живых воинов из чужого племени ни в коем случае нельзя. Но обычно за их смерти мстили братья Урнур. Они поступали точно так же как и хан: собирали воинов и наносили удар по такому же небольшому приграничному поселению. Кайрат был рад, что его юрты находились далеко от этих зон. Но недавно традиция вот таких маленьких набегов неожиданно закончилась. Поутру, месяца два назад, прибыл гонец от хана Мзнэра. Брат Урнур предлагал раз и навсегда выяснить отношения. Как думал Кайрат, тот надеялся разбить войска младшего, а самого брата, если не убить, то, по крайней мере, взять в полон.

– Иди, надевай свои доспехи, доблестный батыр Кайрат.

Ягычи поклонился и вернулся в шатер. Открыл сундук, что стоял в западной части и выложил на рядом стоящий: доспехи, шлем, а так же карахом – огнестрельное оружие, что несколько десятков лет назад изобрели китайские мудрецы из Джучистана. Карахом был меньше в два раза, чем каражада, и мог производить десять выстрелов за один раз. Кайрат надел доспех, затем прикрепил на пояс гэрд, в который тут же запихнул палаш, что-то, а этот старый добрый меч всегда выручает в рукопашной схватке, когда пуль в карахоме не осталось. С правой стороны, за пояс запихнул гулду – железную булаву, способную разнести на кусочки любой шлем. В сапог запихнул нож-хутуг. Лучше он перережет себе горло, чем сдаться в плен людям хана Мзнэр. Смерть лучшая награда для монгола, особенно если прихватит с собой нескольких противников. Врагами людей, из улуса хана Мзнэра, Кайрат никогда не считал. Враждуют ханы, но не воины. Но обычные военные действия братьев, ими, же и придуманные на заре правления, разжигали ненависть среди простых солдат. Ягычи опасался, что если бы не это предложение хана Мзнэра, неизвестно до чего докатилось это противостояние. Кайрат опустил на сундук и взял карахом. Проверил, хорошо ли тот заряжен. Для этого пришлось

извлечь из удивительной машинки устройство, в которое вставлялись пули (так мудрецы окрестили короткие железные стрелы для карахома). Насчитал в нем штук десять и улыбнулся. Уж он-то к схватке с воинами хана Мзнэра готов. Запихнул карахом в специальный чехол, что висел рядом с гулду. Надел шлем и вышел из шатра.

Коня к бою Кайрат предпочитал готовить сам, от этого в бою очень многое зависело, с плохо подготовленного седла можно свалиться в самый неподходящий момент. Поэтому ягычи сначала нежно погладил своего коня, затем прошептал несколько слов на ушко и лишь после направился к седлу, что лежало у шатра. Как и все седла кочевников, оно имело деревянный остров и дугообразные луки, украшенное резьбой. Ленник был покрыт войлоком и обтянут кожей. Но прежде чем все это взгромоздить на коня, Кайрат положил на спину животного войлочный потник, и лишь после этого установил седло, крепко затянув ремни под брюхом.

– Я вижу ты готов, ягычи! – проговорил, подходя к нему, хан Урнур.

Кайрат оглядел правителя улуса. Такие же, как и у него доспехи. К ремню прикреплен, в чехле, карахом. На боку однолезвийная сабля – хэлмэ. В отличие от ягычи, хан предпочитал оружие попроще. На голове Урнур был золотой шлем. Неожиданно правитель взглянул в голубое небо и произнес:

– Жаль, что я не могу поговорить с предками. Они словно игнорируют меня с тех самых пор, как я, вместе с дервишем, покинул запретную территорию.

Кайрат кивнул. Вполне вероятно, что такие же думы владели и другим братом. Изредка Урнур снился его дед – хан Бяслан. Тот советовал внуку, как поступать в той или иной ситуации. Вполне возможно, предположил ягычи, что именно старик и посоветовал уничтожать стойбища кочевников брата под корень. Можно было подумать, что хан больше всех своих внуков любил Урнура. Да только это было не так. Бяслан помогал всем трём. Причем делал это как-то странно. Кайрат уже давно отметил, что предки отчего-то срамливали ханов между собой. Ягычи даже предположил, что старику не нравились в свое время избранницы Улукбека. Воин помнил традицию заложенную еще самим Джучи. В ней говорилось, что первую жену для наследника отец выбирает сам. Лишь потом тот может поступать, как тому вздумается. Мзнэра и Урнур, в отличие от хана Улзия, были детьми от второй и третьей супруги Улукбека. Обе женщины строили козни в отношении хана Бяслана, и даже говорили, пытались того убить, и у них задумка бы получилась, если бы не хатун Хонгурзул, что разрушила их планы.

В молчании духов предков хан Урнур видел плохой знак.

– Неужели они отвернулись от меня, – вдруг проговорил он.

Ягычи промолчал. Какой бы ответ не был, вряд ли он понравился хану. Скажи правду, что предки срамливают братьев, преследуя свою цель, и неизвестно, как бы среагировал Урнур, а так к истине правитель дойдет своим, маленьким умишком.

– Готовься к бою мой любезный, ягычи. Сегодня мы должны урезонить моего брата Мзнэру. А сейчас пойдем к остальным полководцам, нужно обсудить, как будем действовать.

Батыр Чойжи с самого утра готовился к битве. Он понимал, что хан Урнур должен выиграть в этом сражении. Тогда между улусами наступит мир. Схватки, которые уносили много жизней, обычным кочевникам были противны. Зачем воевать, когда на этой дивной планете, кроме них больше никого нет, а территорий, на которых можно жить сколько душе угодно? Но как бы то ни было, Чойжи понимал, что пока братья между собой дерутся – мира в этих краях не будет. Он удивлялся, почему их отец – хан Улукбек своим словом, не прекратит эту вражду.

– На все воля небес, – прошептал Чойжи, заряжая каражду. Он уже оседлал коня к схватке и теперь завершал последние приготовления.

Он увидел, как из шатра выбрался ягычи. Даже улыбнулся, когда отважный полководец Кайрат-бек взглянул на него. Затем к тому подошел сам хан Урнур и заговорил с ягычи. Пол-

ководец и правитель взирали на степь и на ту равнину, где через некоторое время должна была вспыхнуть битва. Чойжи вспомнил, как вчера вечером собрав всех своих воинов, хан Урнур въехал на холм, где потом разбили его шатер и произнес:

– Монголы! Таких великих сражений у нас еще не было. Впервые мы сойдемся, друг против друга на поле брани, огромными армиями. Эта битва наш взлет и наше падение. И если мы уступим, наш улус запросто исчезнет с лица Ченгези!

Чойжи был уверен, что брат хана, произнес точно такие же слова.

Между тем ягычи ушел в шатер. Его какое-то время не было, и батыр понял, что тот облачается в доспехи. Предположение оправдалось, когда Кайрат-бек, воин славный и отважный, вышел из юрты, и направился к своему боевому коню. А дальше было все как обычно. Хан выстроил войска, и точно такие же действия наблюдал батыр в стане противника. Промчался перед ними Урнур на своем белом, как снег с ледников, и прокричал, пытаясь вдохновить воинов. При чем делал это так воодушевленно, что в сердцах некоторых всадников, в числе которых был и Чойжи, защемило. В голове у батыра возникло лицо супруги и двух маленьких батыров, что бегали вокруг юрты.

Чойжи вдруг подумал, что когда-нибудь и его дети пойдут друг на друга. Такое было в традициях кочевников. Легенды утверждали, что даже Чингисхан убил своего брата. И все из-за того, что тот его назвал отпрыском меркита. Конфликтовали и сыновья нынешнего хана: Джучи и Чагатай. Как враждовали между собой потомки Темуджина. Воевал и отец хана Урнура – Улукбек, но вот только никогда раньше в открытое противостояние, как это было сейчас, братья не вступали.

Оставалось ждать, когда с противоположной стороны (ведь зачинщиком битвы был хан Мэнэр) выедет батыр и вызовет на бой воина из армии Урнура. Традиция эта была старая, еще оставшаяся со времен Джучи. Чойжи считал, что раз закон этот не ими был придуман, так не им его и нарушать. Убедиться, в том, что нарушать никто ничего не будет, ему пришлось через пару мгновений. Из войска противника выехал невысокий богатырь на небольшой лошадке. Домчался до рядов армии хана Урнура и с признанием воткнул со всей силы в землю копьё.

– Повелитель Красного улуса не желает биться в поединке с улусником. Против тебя, хан Урнур, – пролаял он, и указал рукой в сторону дюжего всадника стоящего впереди головного отряда, – выставляет своего ближайшего ягычи Сапулихе. Сапулихе ждет тебя, хан Урнур, или одного из твоих ягычи.

Пришпорил коня и умчался к своим.

– Ну? – произнес хан, обращаясь к верным своим полководцам. – Кого пошлем?

Хан Урнур сам вызов принял, если бы против него вышел его брат. Но ситуация складывалась по-другому, и он взглянул на своих полководцев в надежде, что найдется доброволец и не придется искать героя.

– Хан, – вдруг вымолвил молчавший ягычи Джахаганбу, – позволь мне! Негоже правителю биться с каким-то ягычи.

– Ступай.

Джахаганбу вытащил карахом и протянул Кайрат-беку.

– Сбереги, – проговорил он. – Вернись, отдашь. Не вернись, передай моему старшему сыну.

Хлестнул коня и рысью поскакал навстречу с неприятелем.

Над степью нависла тишина. Обе армии замерли. Было слышно, как дует ветерок, как раздаётся топот двух могучих жеребцов, несущихся на встречу друг другу. Чойжи понимал, что сейчас мирного исхода не будет, один из воинов непременно останется лежать среди колышущей степи.

Но, не доехав друг до друга совсем ничего, всадники остановились. Сапулихе взглянул презренно на противника и спросил:

– Имя свое назови, ягычи. Я хочу знать, кого мне суждено отправить к предкам.

– Это мы еще посмотрим, ягычи, – усмехнулся его недруг, – а имя мое Джаханганбу! Сын Ириг-бека.

Сапулихе вздрогнул, но вида, будто имя ему показалось знакомым, не подал. Зачем знать сопернику, что когда-то отец его пытался женить молодого воина на сестре Джаханганбу – Дурэгэй.

Конь под ягычи поднялся на дыбы. В глазах сверкнул огонь. Его противнику на миг показалось, что Сапулихе с трудом удержался в седле. Воин усмирил его и отрывисто бросил поединщику:

– Меня зовут Сапулихе.

Разговор закончился. Оба вернулись к своим. Проскакали вдоль строя, под крики товарищей.

Над степью нависла тишина. Заржал конь Джаханганбу, предчувствуя смерть, его подержал черный конь Сапулихе. Оба ягычи вынули из ножен сабли, ударили шпоры и с криком помчались на встречу. Приблизились, и в этот момент Джаханганбу занес клинок. Казалось, что вот-вот ягычи рассечет своего противника напополам. Как вдруг конь славного воина неожиданно упал на колени, а рысак ягычи хана Урнура, взмыл над ним. Сапулихе ударил со всей мочи своего скакуна шпорами по бокам и конь с визгом встал на дыбы, спасая ягычи жизнь. Поочередно поединщики наносили удары. Казалось, что их сабли высекали искры. На мгновение Сапулихе показалось, что клинок его может развалиться напополам. Не ожидал ягычи, что попадется ему равный боец. Оба они были искусными воинами, да и в ловкости друг другу не уступали. Но сабля сломалась у Джаханганбу, тот выкинул остатки клинка и выхватил железную булаву. Быстрый замах. Раздался хруст костей. Сапулихе покачнулся в седле, выронил клинок и схватился за голову, затем поднес окровавленную руку к лицу и выпал из седла.

Джаханганбу спрыгнул с лошади и склонился над поверженным противником. Тот был мертв. Он снял с Сапулихе шлем и замахал им воинам Урнура. Над армией прозвучал крик победы.

Джаханганбу вскочил в седло и поскакал в сторону лагеря и тут раздался выстрел.

Чойжи понимал, что хан Мэнэр не даст уйти победителю схватки живым. Так что прозвучавший выстрел, заставил степь сначала погрузиться в полную тишину, но потом ее разорвали крики темников обоих ханов:

– В атаку!

Воины хана Урнура хлестнули плеткой, ударили шпорам, и понеслось на встречу.

Со скоростью стрелы летели на встречу всадники в ярких кафтанах, желтых курмах и красноватых шапках. В руках сабли, палаши, а за спинами виднелись карагады. С диким, пронзительным криком, бросились в атаку кочевники. Небо наполнилось пылью, которая поднималась из-под копыт лошадей. Становилось тяжело дышать.

Чойжи скакал впереди своего отряда с бунчуком племени. На него несся какой-то меркит, лицо у него искаженно от злобы, в глазах была ненависть. Он приблизился к батыру и с размаху попытался нанести удар. Чойжи увернулся, и сделал это вовремя: палаш прошел чуть-чуть не задев лошадь. Ответный выпад... и голова соперника упала на зеленую степную траву.

– Рассыпаться, – прозвучал за спиной голос ягычи Азарга.

И лавина вдруг разделилась. Центр завяз в схватке, приняв на себя основную часть удара. Два других крыла: барунгар и джунгар, начали обходить справа и слева войска хана Мэнэра.

Чойжи остался в центре. Он отражал удары двух супротивников, с переменным успехом. Его приятели бились с другими врагами. Батыр краем глаза внезапно увидел, как погибают его друзья. Вот свалился застреленный из карахома Джуги, вот полоснул по убийце палашом Бадма, отчего ягычи хана Мэнэр выронил из рук свое оружие и схватился за окровавленное лицо. Еще удар и он свалился прямо под ноги низкорослой лошадки.

В воздухе зазвучали выстрелы. Загрохотали каражаду и карахомы.

Хан Урнур наблюдал с холма, как дерутся его воины. Он был спокоен. Правитель видел в специальный прибор, как излишне нервничает его брат. Хан Мэнэр совершал одну ошибку за другой, казалось, он уже понимал, что тактика, выбранная им, была неправильной. Чувствовалось, что вот-вот тот даст приказ своим войнам отходить, и тогда, он Урнур, скомандует:

– В погоню за ними.

Но пока Мэнэр этого не делал, видимо, всё еще надеялся, что удастся перехватить инициативу. Вот и смотрел с холма хан Урнур, как его войны в рукопашном бою сбрасывали или, на худой конец, стаскивали врагов с коней.

Неожиданно для всех правитель схватился за грудь.

– Тебе плохо хан? – спросил подъехавший ягычи Кайрат.

Минганы ягычи стояли чуть поодаль, ожидая приказа выступить в атаку, где должны будут либо помочь товарищам сражаться, либо добить отступающего противника.

– Все нормально, – проговорил хан Урнур, – Все нормально.

Кайрат улыбнулся. Чтобы не происходило, а хан никогда не признается, что ему плохо. Такой он уж человек. Ягычи и не заметил, как рядом с Урнуром возник шаман.

Тот грохнулся на колени и стал кланяться.

– Прости меня, хан! – взмолился он. – Я должен был, я обязан был...

– Довольно! Не тяни!

– Взгляни на запад, о великий хан.

Кайрат посмотрел туда, куда указывал шаман. Воздух над степью был в пыли, словно мчался небольшой отряд всадников. Ягычи схватился за карахом. Скорее всего, предположил Кайрат – это отряд всадников, отправленный братом хана в обход, чтобы тот захватил ставку Урнура, обезглавив одним ударом всю армию.

Но тут до ягычи донесся звук, которого он до этого никогда в жизни не слышал. Казалось ревет какое-то непонятное животное. Такие звуки даже тамбур не был в силах издать. Рука невольно коснулась карахома, и кожа ощутила приятный холод металла, хотя этой игрушкой того же тамбура не застрелишь. Вот каражадой еще можно, но интуиция подсказала, что и та не способна убить ревуна.

Облако пыли зависло недалеко от лагеря. Рев неожиданно закончился и стал, виден силуэт человека, восседавшего на железной повозке. Кайрат вспомнил, что слышал от шамана, дескать, в городе существуют самодвижущиеся тележки – шаламгай, управляемые с помощью магии. То, что сейчас перед ним была одна из них, ягычи не сомневался. Кайрат взглянул на Урнура и понял, что видом столь диковиной повозки тот не удивлен.

Между тем кочевник слез с шаламгая, подбежал к хану и припал на левую ногу.

– Хан, – проговорил он.

Урнур взглянул на гонца. Его он видел в городе. Кешикет служил при хане Улукбеке. В голове Урнура, проскочила мысль, с отцом что-то случилось. От таких мыслей нагрелась вдруг прозрачная пластина на его доспехе, но гонец все развеял:

– Хан, – повторил он. – Ваш отец хан Улукбек, требует, чтобы вы с вашим братом прекратили это не нужное кровопролитие, в котором гибнут лучшие войны ханства Ченгизи.

Урнур взглянул на воина. Потом перевел взгляд на поле боя.

– Если я остановлю, прикажу отступить, то мой брат Мэнэр бросится в погоню и перебьет тех, кто остался в живых...

– Еще один гонец в это же время прибыл к хану Мэнэру.

– Да но если он отдаст приказ, то тогда мои люди начнут преследовать его, – проговорил хан Урнур.

Правитель вдруг задумался. Подозвал к себе Кайрата. Он хотел приказать ягычи, чтобы он скакал к хану Мэнэру, но в этот момент взгляд его упал на поле битвы. Воины его брата стали отступать. Первая мысль – послать минганов их преследовать. Хан вовремя вспомнил, как нагрелась пластина, но, взглянув на гонца, посланного отцом, приказал отступить.

Кайрат-бек стоял недалеко от шатра хана Урнура, и провожал взглядом удаляющийся отряд Мэнэра с его верным джабгу. К нему подошел Чойжи, только что вернувшийся с поля боя, и приветствовал ягычи, пожелав тому многих лет.

– Что произошло? – спросил воин. – Казалось, воины хана Мэнэру вот-вот разобьют нас, еще чуть-чуть и мы бы дрогнули, побежали, но неожиданно враг стал отступать. Словно не они владели преимуществом, а мы. Развернули коней и понеслись к своей ставке, мы уже собирались преследовать, но ягычи Язим приказал возвращаться. Для нас бившихся насмерть это стало неожиданностью, но мы побоялись послушаться. Почему прекратилась битва?

– Прибыли гонцы от Великого хана. Отец Урнура и Мэнэра требует, чтобы те в скорости прибыли в Джучистан, – молвил ягычи, – и туда же должен прийти затем хан Улзий.

Чойжи понимающе кивнул. Кайрату нравился этот молодой воин. Он был из его племени, и чуть старше брата ягычи – Арвая. Батыр хорошо держался в седле, превосходно владел кара-жаду и карахомом. Способен был одним выстрелом на охоте убить бурундука. Причем попасть тому, с десяти шагов, прямо в глаз. Как говорил Сумум-бек: смысленный малый. Еще одним из достоинств, а может быть и недостатков, это как на это посмотреть, был Чойжи – любопытен.

– Что за зверь такой? – проговорил вдруг молодой батыр, указывая рукой на шаламгай. – Я раньше ничего подобного никогда не видел.

– Это не зверь, – проговорил Кайрат. – Механизм, способный перемещать людей, как скажем лошадь на дальние расстояния, но делать это довольно быстро. Это мне шаман рассказывал, – пояснил ягычи, – пойдем ближе, посмотрим.

Они направились к шаламгаю. Не дойдя пары шагов, остановились. Причиной стал взгляд гонца Великого хана. Казалось, что оба воина, сделав, по крайней мере, еще шаг войдут на священную территорию, за нарушение, которой им грозит – смерть. О чем свидетельствовал неоднозначная реакция посла. Тот потянулся к палашу, что весел у него на поясе.

– Я ягычи хана Урнура, – проговорил Кайрат. – Это мой воин, мы хотели бы взглянуть.

– Нельзя, – прорычал гонец, доставая палаш из ножен.

Кайрату достаточно было одного слова, чтобы воины хана Урнура скрутили тому руки, а затем оттащили его в сторону. Тогда ягычи и Чойжи спокойно смогли осмотреть чудо-механизм и даже получили возможность прикоснуться. Вот только сейчас перед ним был не гонец хана Мэнэра, и не посланец хана Улзий, а все-таки человек правителя Улукбека. Гневить правителя Ченгизи не в интересах Урнура. Кайрат уже хотел оттащить Чойжи в сторону, но тот не сводил взгляда от непонятного механизма.

– Пойдем Чойжи, – попытался увести воина ягычи.

– Я могу и отсюда насладиться дивным зверем, – проговорил батыр, не обращая внимания на тысячника.

– Это не зверь, – проворчал гонец, поняв, что от любопытного воина ему не отделаться, – а механизм созданный мудрецами. На нем можно перемещаться на местности куда быстрее, чем на лошади. В его теле заключены души коней наших предков.

– И сколько? – полюбопытствовал Чойжи, понимая, у него появился хоть какой-то шанс найти общий язык

– Пять.

Кайрат улыбнулся. Он заметил, батыра не интересовало, как тех удалось загнать внутрь этой железной повозки с двумя колесами. Удивительно, поразился ягычи, как такая странная конструкция держала равновесие, не опрокидываясь на бок.

– А как он работает? – не унимался между тем Чойжи.

Гонец замялся, казалось, он и сам не знал ответа на этот вопрос. Принцип действия всех механизмов, созданных мудрецами на протяжении всего времени, с тех самых пор, как в этой местности оказался улус Джучи, хранились в секрете. И этой тайной владели только шаманы. Между тем гонец взглянул сначала на Кайрата, а потом на Чойжи, собрался было уже ответить батыру. Помешал подбежавший охранник хана.

– Ягычи! – произнес он, кланяясь, – Хан требует тебя к себе.

Кайрат-бек вынужден был оставить Чойжи. Почти бегом, чтобы не гневить хана Урнура, он добрался до шатра. У входа остановился, отдышался, поправил мундир и вошел внутрь.

– Хан? – проговорил Кайрат, подходя к повелителю и опускаясь на колено.

– Небеса хотят, чтобы ты отправился со мной в Джучистан, – промолвил правитель улуса.

Кайрат невольно улыбнулся. Он заметил, его реакция на слова хана не осталась незамеченной. Урнур встал, подошел к ягычи и дотронулся до плеча.

– Я не знаю, что хотят предки, – проговорил он, – но я верю, ты не изменишь мне, мой верный ягычи. Готовься к поездке в столицу и возьми с собой самых преданных людей. Дорога будет долгой, а у нас нет механизмов, способных преодолевать расстояния так же быстро, как шаламгай гонца великого хана. А теперь ступай.

Кайрат вышел из шатра, не зная, что и думать. Он никогда и не мечтал оказаться в столице – славном городе Джучистане. Лишь только во сне ему иногда снилось, что въезжает он в городские ворота на белом коне в окружение доблестных минганов. Ягычи взглянул на Чойжи, тот все еще беседовал с гонцом. Вот только теперь батыру удалось приблизиться к шаламгаю ближе. Казалось чуть-чуть и воин Великого хана, дозволит Чойжи коснуться механизма рукой. Вот только этого не произошло. Увидев, вышедшего из шатра ягычи, батыр прекратил разговор. Направился к Кайрату.

– Собирайся, – молвил ягычи, когда тот подошел, – завтра выезжаешь вместе со мной в Джучистан.

Чойжи удивленно взглянул на Кайрата.

– Хан Урнур берет меня с собой в столицу. Просил подобрать преданных людей.

Батыр заулыбался.

Ширэ Джиладкан вот уже пятнадцать дней находился в городе. Для этого он уговорил хана Улукбека снять для него небольшой домик, где-нибудь на окраине и предоставить для охраны кешикетов. Мера была вынужденная. Горожане, прознав, что нищий пророк не покинул пределов Джучистана, отыскиали его. Если бы не арбаны правителя, круглосуточно стерегшие все подступы к жилищу дервиша, то на узких улицах было бы не протолкнуться. Вечером второго дня глашатай зачитал указ хана. Улукбек грозил смертной казнью каждому, кто нарушит покой пророка. Правитель сам пытался пригласить Ширэ Джиладкана к себе во дворец, но тот, побывав во дворце пару раз, больше туда не спешил, особенно после того, как хан попытался уговорить его узнать у духов, какую из наложниц ему взять к себе на ночь. Дервиш только и сделал, что выругался, назвав Улукбека глупцом. Затем в сердцах плюнул и проворчал:

– Больше моей ноги у тебя, до приезда твоих детей, не будет.

Ушел.

Хан Улукбек сначала вспыхнул. Орал, что отрубит нищему голову, затем кричал, что уберет у него арбанов, и лишь только после разговоров с суйбаши, оставил пророка в покое. Тому удалось убедить правителя, что Улукбек вряд ли найдет на всей планете человека способного общаться с предками.

– Остынь, не горячись. Казнить всегда успеешь. Но помни, – молвил суйбаши, – духи предков могут запросто отвернуться от тебя и от твоих потомков. Вспомни слова дервиша.

Страх перед предстоящим вторжением демонов, заставил правителя остыть.

– Убедил, – пробормотал он.

Между тем сам Ширэ Джиладкан не вел уж такой замкнутый образ жизни. Он уговорил буюрука – начальника стражи, пару раз выполнить его просьбу. Сперва тот вынужден был съездить за городским астрономом, а затем отправить человека к главе гильдии ремесленников. О чем говорил в те разы дервиш с гостями, буюрук так и не узнал. Астроном вышел озадаченным с непонятной вещичкой в руках. На следующий день по городу прошел слух, что китаец закрылся у себя в обсерватории. Больше, вплоть до приезда всех трех сыновей хана Улукбека, дервиш досаждать буюруку не стал.

На следующий день Великий хан приказал созвать на пятый день пребывания сыновей в городе совет – Курултай. Повелел прийти на него представителей почти все гильдий города. Пройти заседание должно было в огромном круглом зале, где, как раз напротив входа, охраняемого двумя тургаудами, стоял ханский трон. По правую руку от него два кресла: одно предназначалось для хатун, раньше его занимала любимая жена Улунбека, но с ее смертью право на нем сидеть перешло второй супруге; второе – верному суйбаши. С левой стороны кресла от правителя: для третьей жены (матери Урнура) и дервиша. От ханского трона к дверям широкий проход, по сторонам которого располагались: ханы улусов, судьи, шаманы, министры, мудрецы, ягычи, сотники, с десятков руководителей кешикетов, совершеннолетние дети хана Улукбека от наложниц, не претендующие на власть, затем сами наложницы и представители гильдий.

С наступлением пятого дня, народ стал стекаться во дворец с самого утра. Первыми были горожане, затем жители дворца. Самыми последними во дворец явились астроном Ван Тие Мин и дервиш.

Астроном, как и многие его соотечественники, потомок тех китайцев, которые еще волей самого Чингисхана были приписаны к улусу Джучи. Оказавшись на незнакомой планете именно они, да еще арабы, воспротивились принять кочевой образ жизни. Слава небесам, сын Тимуджина оказался человек разумный, препятствовать не стал.

Сам же Ван Тие Мин был строен, как стебель бамбука. Выглядел молодо, хотя и являлся ровесником Ширэ Джиладкана. Ходил слух, среди ученых мужей города, что предок Лю Ши Мин случайно прихватил с собой с Земли на Ченгези (тогда переход произошел как-то неожиданно) с десятков корней женьшеня и несколько черенков тутового дерева. Растения прижились в незнакомой почве.

У Ван Тие Мина была длинная, как крысиный хвост коса и маленькая бородка.

Неожиданно дервиш задержал астронома на балконе, и, дождавшись, когда последний сын одной из наложниц скрылся за дверью, спросил:

– Что скажете, уважаемый Ван Тие Мин?

Астроном удивленно взглянул на пророка. Легкий ветерок загулял в его голове, и китайцу на мгновение показалось, что он вот-вот сорвет шапочку.

– Вы изучили тот прибор, который я вам принес? – любопытствовал дервиш, глядя, как Ван Тие Мин схватился рукой за голову.

– Изучил. Странная вещица и довольно любопытная. Вы так и не ответили в прошлый раз, уважаемый Ширэ Джиладкан, откуда она у вас?

– Мой ответ, что его дали духи предков вас не устраивает?

– Увы, нет. Я человек ученый, а для простых кочевников – джадугяр.

Дервиш усмехнулся. На колдуна, стоявший перед ним астроном не походил, скорее на обычного мудреца. Ван Тие Мин способен был разобраться в любых механизмах, как шаман. А ведь только их да ещё дервишей можно было называть – джадугярами.

– Сможете ли вы, Ван Тие Мин, ей пользоваться?

– Не вижу особых проблем. Желаете, чтобы я рассказал принцип ее работы?

– Не надо.

– Жаль.

– Мне это ни к чему. А научить его пользоваться других сможете?

– Смогу. Лишь бы ученик был толковый. А надо?

– Надо. Но еще не скоро?

Дервиш подошел к краю балкона и посмотрел на лежащий внизу город. Вздохнул. Жители его еще не знали, какая угроза нависла над ними. Впрочем, угроза эта касалась не только Джучистана, но и всей планеты. Ширэ Джиладкан вспомнил слова духов, что оккупация (заумное слово, произнесенное как-то духами) произойдет еще не скоро. Дервиш побоялся сказать об этом хану. Лучше быть готовыми, чем оказаться застигнутыми врасплох. Вполне возможно, пройдут годы, прежде чем орды демонов вторгнутся на Ченгези. Дервиш задавался вопросом: зачем страшным демонам это понадобится, но не смог найти ответ. Пытался во время медитаций спросить у предков, но те просто не желали об этом говорить. Пророк тяжело вздохнул. Жаль, что он не мог видеть как степная птица. Тогда бы у него была бы возможность разглядеть три лагеря, что раскинулись по ту сторону полноводной реки.

– Так сможешь обучить? – спросил еще раз Ширэ Джиладкан.

– Смогу.

– Могу надеяться?

– Я, Вас, когда-нибудь подводил?

– Никогда.

Дервиш не помнил, чтобы Ван Тие Мин его когда-то подводил. Не делал он этого, ни сейчас ни в детстве. Астроном остался верным приятелем Ширэ Джиладкану даже, когда за ним, тогда еще пятнадцатилетним мальчишкой, пришел дервиш. Не предавал и не отказывал в помощи, когда уже сам Ширэ Джиладкан явился в столицу в первый раз в качестве пророка. Да и сам нищий не гнушался: то и дело обращаться к китаюцу за помощью. Иногда нужно было отыскать что-нибудь для него, иногда испытать прибор, а то и попытаться уговорить других ученых, что бы те с серьезностью отнеслись к словам дервиша. Именно благодаря советам того же Ван Тие Мина удалось продвинуть множество механических новинок, которые пытался отвергнуть хан Улукбек.

– А как насчет просьбы изучить тот участок неба, о котором я вас просил, уважаемый Тие Мин? – задал очередной вопрос Ширэ Джиладкан.

– Да. Хвала небесам, что вы привлекли мое внимание на именно тот сектор космоса, уважаемый дервиш, – прошептал астроном. – Вы оказались правы...

– Не я, – прервал его нищий, – А духи предков. Они нашептали мне, что именно из того сектора нам грозит опасность. Но что вы там видели?

– Множество огней, что перемещались от одной планеты к другой. Думаете, вскоре они обратят внимания на Ченгези?

– Возможно, – загадочно молвил дервиш. – Все возможно.

Ширэ Джиладкан замолчал. В дальнем конце балкона появились верные воины хана Улукбека. Они направились в их сторону, образуя длинный проход.

– Мне кажется, нам с вами пора идти в зал, – проговорил китаец.

– Не могу, не согласится, мой друг.

Они направились к дверям.

Хан Урнур, как и его братья, прибыл к столице с небольшим отрядом в тысячу человек и разбил лагерь на восточном холме. Выставил охрану, но не из боязни, что кто-нибудь из братьев нарушит перемирие, около столицы те вряд ли наберутся смелости, а скорее от диких животных, что изредка появлялись в этих местах. Спешить в город не собирался. Нужно было дожидаться разрешения Великого хана на вход в Джучистан. Ко всему прочему «Ясы Чингис-хана» приписывал особый порядок въезда в город. Согласно древнему закону, первым в город

должен был войти старший сын правителя планеты, затем средний и только потом самый младший отпрыск. Ко всему прочему при въезде через городские ворота требовалось сдавать оружие, а это вызывало неудобства и задержки. У младшего из братьев в ожидании просто нервы могли не выдержать. Кайрат понял это, когда утром прибыл гонец из столицы и сообщил, что хан Улукбек ждет своего сына, как впрочем, и всех остальных, во дворце. С собой он приказывает взять только небольшой отряд в количестве тридцати батыров.

Чойжи даже приуныл.

– Не расстраивайся, батыр, – проговорил ягычи Кайрат-бек, похлопав того по плечу. – Если хан возьмет меня с собой, то я уговорю тебя взять, а если нет... – воин тяжело вздохнул, – А если не возьмет, – продолжил он, – так не переживай. Приедем мы еще с тобой в Джучистан, да не раз.

Пока хан Урнур выслушивал гонца, да обдумывал, кого взять с собой, лагерь продолжал жить своей жизнью. Кочевники заботились о своих лошадях, холили и лелеяли. До Кайрат-бека донесся звук морин хуура. Голос смычкового инструмента, где в качестве струны использовался конский волос, звучал тоскливо. Ягычи закрыл глаза и попытался прислушаться. В голове тут же возникло видение родного становища. Вот старик-отец Сумум-бек вышел из юрты и, остановившись, стал вглядываться вдаль. Мимо проскакал на своем жеребце Едугей. Спорили о чем-то оба брата Кайрат-бека; проскользнула в юрту, над которой клубился белый дымок, Ургалай.

Кто-то коснулся плеча ягычи, вернула из грез. Кайрат невольно дотронулся до палаша. Хорошо успел остановиться и не вытащить.

– Неужели хана своего убить хочешь? – молвил Урнур.

Ягычи грохнулся на колени.

– Прости меня, хан. Замечтался я. Дом вспомнил, вот и не ожидал. Вот и потянулась рука невольно к оружию.

– Сегодня я в духе, – улыбнулся хан, – Поэтому прощаю. А вместо наказания дарю милостью. Поедешь со мной в город. Отбери двадцать восемь самых надежных воинов, способных в рукопашном бою справиться с любым врагом.

– Опасаешься?

– Береженого небеса берегут, – не дав договорить, сказал Урнур.

– Спасибо, хан.

– Готовься к поездке. Вон, – правитель улуса показал рукой в сторону переправы, – Старший брат уже переправу начал.

Проговорил и направился в шатер. Кайрат проводил его взглядом. Хитер хан, сам выбирать себе охрану не стал, а все на ягычи спихнул. Вот только почему-то ему – Кайрату, а не Язиму или Азаргу, поручил отряд комплектовать. Впрочем, решил Кайрат-бек, это и к лучшему. Он ведь обещал Чойжи взять того с собой в город, вот случай и помог ему слово сдержать.

Пока собирались, переправился через реку и средний брат. Хан Урнур отнял от лица прибор, позволявший наблюдать людей на дальнем расстоянии, и проговорил:

– Пора.

Переправа заняла не так уж и много времени. Немного задержаться пришлось в арсенале. Это случилось уже у дворца, когда всадники проехали по городским улицам. Буюрук, руководивший контролем, потребовал сдать все оружие.

Когда очутились в зале, где созывался курултай, ягычи во второй раз испытал шок, первый был, когда они ехали по городу. Помещение поразило масштабами. Огромные колонны, уходившие в высь, несметное (как показалось ягычи) количество лавок на которых уже сидели. Резной позолоченный трон, да несколько кресел по бокам. Пока они были пусты, и явно предназначались для Великого хана и ближайшего окружения.

Кайрат последовал за Урнуром, но тот вскоре остановил его.

– Тебе дальше нельзя.

Он рукой показал на сидевших воинов.

– Тебе туда.

Произнес и направился к братьям. Кайрат заметил у Урнура на лице фальшивую улыбку. Явно не хотел тот встречаться с родней. Ягычи невольно улыбнулся. Вполне возможно, что там сейчас сидел будущий Великий хан Ченгези. Посмотрел на сидевших на лавке полководцев и приметил среди них Даланта, тысячника из армии хана Улзия и к тому же дальнего родственника Сумум-бека. Тот махнул рукой, ягычи присоединился к нему.

Между тем зал стал наполняться народом. Мимо Кайрата прошли три судьи. Один вел дела, связанные с военными преступлениями, второй занимался делами гражданскими, третий разрешал споры между улусами. Проследовали мудрецы, в основном китайцы, но встречались среди них пара арабов. Затем зал наполнился шумом и Кайрат-бек понял, что пришли дети наложниц Великого хана. Этих утихомирят только появление хана Улукбека. Все случилось именно так, как и предполагал ягычи. Шум стих, когда в дверях появился один из офицеров охраны и доложил о прибытии правителя.

Дверь открылась, и в зал вальяжно вошел хан Улукбек. Остановился и медленно оглядел присутствующих. Недовольно взглянул на детей наложниц, словно они были в чем-то виноваты, и прошел к трону. И не проронив ни одного слова – сел.

– Я собрал вас здесь, – проговорил после небольшой паузы хан Улукбек, – сообщить, что время мое пришло. Я должен собираться в дальний путь, меня уже давно ждут наши предки. Я стар и уже не способен нести возложенную на мои плечи миссию править своим народом.

Кайрат невольно вздрогнул, он, конечно, понимал, что братьев, правитель созвал неспроста. Когда-нибудь Сумум-бек созовет своих сыновей и вот так же скажет, что пора. Затем сядет на старого коня и уедет в горы, туда, где обитают души предков, туда, где он найдет свой последний приют. Такая же судьба ждет всех, кто прожил более шестидесяти смен времен года.

Между тем хан продолжал говорить:

– Увы, но выбрать наследника, который смог бы управлять всей планетой без склок и вражды, в мире и согласии, среди детей своих я найти не сумел. Поэтому готов выслушать предложения, – он посмотрел на хатун, ту, что была сейчас старшей женой, – Что скажешь, Дэлбээ?

Кайрат не сомневался, что супруга правителя желала бы видеть в роли Великого хана сына своего Улзия. Женщина встать с кресла не стала, а посмотрела на мужа и произнесла тихо, чтобы только он слышал ее и больше никто.

– Ты знаешь мой ответ, хан.

Улукбек кивнул.

– Я так и предполагал, – молвил он, – теперь ты, Бадма.

Бадма была матерью хана Урнура. Она, как и Дэлбээ, так же мечтала видеть на троне свое чадо. Женщина встала с кресла и поклонилась супругу.

– Хан, – громко произнесла она. Улукбек вздрогнул. – Ты знаешь, что для меня важнее в первую очередь интересы государства.

Правитель кивнул и улыбнулся.

– Поэтому мой ответ удивит, наверное, всех присутствующих, кроме тебя, – женщина оглядела зал, – Но я бы хотела видеть наш мир в крепких руках отважного человека способного противостоять тем трудностям, что в будущем, вполне возможно, свалятся на наши головы. И я в этом зале пока не вижу никого, кто способен управлять с умом и долго. Суйбаши Шахрух уже стар, и скоро проследует за тобой, – Кайрат заметил, как тяжело вздохнул брат великого хана, – Дети твои, особенно трое старших, готовы глотку друг другу порвать даже из-за пустяка.

Другие слишком молоды и неопытны. Поэтому лично я жду – знака Небес. И пусть правит избранный. На то будет воля Небес.

Она замолчала. Опустилась в кресло и посмотрела на Улукбека. Тот молчал. Он взглянул на суйбаши, улыбнулся и спросил:

– Ну, а ты что скажешь, брат?

Шахрух поднялся с кресла.

– Хатун Бадма права, о Великий хан, – проговорил он. – Все в руках наших предков. Как скажут, так и должно быть. Если найдут они среди горожан, кочевников, воинов достойного, так-так тому и быть. Я стар, а дети твои как шакалы, готовы глотки друг другу перегрызть.

Улукбек вздохнул. Он уже обратил внимание, что даже сейчас сыновья его готовы друг друга поколотить. Сдерживало только присутствие людей, в чьих глазах они могли бы потерять последнее уважение.

– Хорошо, – проговорил правитель. – Видно другого выхода у меня нет. Дервиш, говори.

Но Ширэ Джиладкан ничего сказать не успел. Все произошло мгновенно. Мэнэр вышел на середину зала и проговорил, громко и отчетливо, чтобы все слышали:

– Править ханством должен – я!

Улзий тут же оказался возле брата. Схватил того за грудки.

– Ты – мерзкое отродье, – вскричал он, – Сын беспутной женщины. Ты не достоин править. Если кто и должен стать Великим ханом, так это я!

Мэнэр освободился и ударил брата. Улзий пошатнулся и чуть не упал, удержался. Выругался и накинулся на соперника. Кайрат облегченно вздохнул. Кровопролития не будет. Хвала Чингисхану, за его указ запрещающий посещать Курултай с оружием. Ягычи невольно взглянул на хана Улукбека. Правитель гневался. Старик явно не успевал уже быстро реагировать. В другое время он уже давно скомандовал, и воины растащили бы дерущихся. Сейчас хан медлил. Смотрел, как катаются по полу Улзий и Мэнэр.

Неожиданно для себя Кайрат вспомнил старую легенду. Говорят, события произошли эти еще на Земле, когда монголами правил Тимуджин. Вспышка гнева Чагатая в отношении его старшего брата Джучи. Тогда Чингисхан остановил братьев. Вот только хан Улукбек не мог сравниться с Великим правителем. Удастся ли ему присмирить сыновей?

– Довольно, – проговорил хан, глядя, как его сыновья мутузят друг друга. – Довольно!

Взмахнул рукой и вот уже четыре тургауда растащили взорвавшихся воинов.

– Как дети малые, – прошептал Улукбек. Взглянул на Улзии. – Кто тебе сказал эту ложь? – поинтересовался он. Затем махнул рукой стражникам: – Отпустите его.

Тургауды отпустили Улзии и сделали шаг назад.

– Позволь говорить, отец? – проговорил Улзий, опустив глаза.

Хан кивнул.

– Еще в детстве, мне об этом сказал Сюиджо.

Лицо Улукбека побелело. Перед глазами возник образ одного из его братьев. Хан вынужден был убить Сюиджо, когда тот попытался свергнуть его, пойдя против воли богов. Лживый, трусливый и мерзкий тип, каким был брат, даже после своей смерти пытался рассорить Улукбека с сыновьями.

– И ты поверил? – спросил хан у Улзии.

Не отрывая взгляда от каменного пола, тот прошептал:

– Да.

Правитель вздохнул.

– Плохо же я тебя воспитал, – молвил он, взглянул в сторону Мэнэра, – его тоже можете отпустить, приказал он тургаудам, – если хотят друг друга убить, так пусть это сделают здесь и сейчас. И пусть Небеса будут свидетелями, что не хотел я этого. Может и тебе наговорил чего-нибудь этот мерзавец Сюиджо?

– Мне он ничего такого, ни про тебя хан, ни про Хатун Хонгурзул не говорил. А если бы и заикнулся, то огреб от меня палкой, – проговорил Мэнэр, поправляя помятую одежду.

Улукбек усмехнулся. Старший сын был с детства воинственным. Его он всегда мечтал оставить приемником вместо себя, но случилось так, что тот поссорился со всеми братьями, а без поддержки со стороны родных такой огромной планетой, как Ченгези не управиться.

– А ты? Что ты молчишь? – проговорил Великий хан, обращаясь к Урнуру. – Хотел бы ты править планетой?

Младший из сыновей встал со скамьи.

– Хотел, – проговорил он, – Отрицать не буду. Да вот только боюсь, не пойдут за мной воины. Побед таких, какие у Мэнэра, за мной не числится, хитростью, коей обладает Улзий, не владею...

– У тебя есть одна черта, – перебил его отец, – Ты честный. Но боюсь, этого одного будет, увы, мало, – хан вздохнул, взглянул на дервиша. – Говори, пророк, надеюсь, теперь тебе высказаться никто не помешает.

Шире Джиладкан встал.

– Устами моими буду говорить не я, – начал он, – так как многое мне неведомо и, в какой-то степени непонятно. Устами моими с вами разговаривать будут наши предки, чьи души теперь далеко от нас, – дервиш вышел на середину зала, коснулся рукой Урнура и произнес: – Садись хан Урнур, да и вы ханы займите свои места.

После того, как братья выполнили просьбу, воткнул дервиш в щель между камнями посох. Затем закрыл глаза и забормотал, а потом пустился в пляс. Сейчас Ширэ Джиладкану не требовалось разводить костер, того импульса, который возник в результате конфликта, вполне хватило, чтобы установить контакт.

Амулет, прикрепленный к посоху, засиял. Невольно руки всех ханов коснулись груди, словно и по ним проскочил электрический импульс. Камни, что висели под одеждой, нагрелись. Непонятная речь дервиша стала узнаваемой. Неожиданно он остановился.

– Злые демоны грозят нам, – проговорил Ширэ Джиладкан, – Они стремятся разрушить мироздание и подвергнуть все в хаос. Нужен нам хан-воин, способный сплотить вокруг себя чингизитов.

Дервиш вновь заплясал. Кайрат смотрел на него и ничего с этим не мог поделать. Ему вдруг показалось, что тот произнесет сейчас имя хана Урнура, назвав его приемником Великого хана. Но этого не произошло, случившееся затем, повергло в шок ягычи.

Ширэ Джиладкан вновь остановился. Замер. Сначала молчал, а потом произнес только одно имя:

– Едугей!

Кайрат вздрогнул. Ягычи удивленно взглянул на дервиша. Тот произнес имя его сына. Неужели духи выбрали его в качестве приемника хана Улукбека? Такое могло произойти, но в это не верилось. Ягычи невольно замотал головой, пытаясь отогнать наваждение. Да мало ли Едугеев в ханстве? Может, какой другой?

– Едугей сын Кайрата внук Сумум-бека, – повторил Ширэ Джиладкан.

Ягычи ощутил на себе взгляд хана Урнура. Посмотрел в его сторону. Человек, которому служил Кайрат уже столько лет, смотрел на него и улыбался. То, что именно Урнуру предстоит стать соправителем, пока сын его не вырастет, ягычи не сомневался.

– Он еще молод и ему предстоит отправиться в запретные земли, – говорил между тем дервиш, – Ему придется пройти обряд просвещения, чтобы получить ярлык – великого хана. Именно ему суждено будет возглавить кочевую орду, что устремится к звездам, уничтожая на своем пути злых демонов.

Дервиш вновь пустился в пляс. Он еще пару раз обошел вокруг посоха и только, потом вытащил его из пола.

– Воля предков произнесена, Великий хан, – молвил Ширэ Джиладкан.

– Небеса тому свидетели, – проговорил Улукбек, поднимаясь с трона.

Хан хотел было отойти и сесть в стороне, давая таким образом понять, что место свое он освободил, но дервиш произнес.

– Пока предки не подготовят приемника, быть тебе правителем.

Улукбек тяжело вздохнул. Году брали своё. Он уже не такой, каким был лет сорок назад. Со стороны вроде еще способен на многое (всё дело в волшебных свойствах корней женышена), но то тут, то там давали о себе знать различные болячки. Наложницы, под страхом смерти, молчали об его неудачах в постели, которых становилось с каждым разом все больше и больше.

– Я исполню свой долг до конца, – проговорил Улукбек, с надеждой, что умереть ему придется в запретных землях, а не в постели.

Кайрат понимал, что ожидать другой реакции со стороны хана не стоило. Теперь нужно было ждать реакции сыновей правителя. Ягычи видел, как побледнел Мэнэр. Чувствовалось, что он не ожидал подобного разворота событий.

– Если так решили предки, – пробормотал он, – То так тому и быть. Против них я не пойду. Если им угодно, чтоб нами правил какой-то кочевник, без рода и племени, то быть посему.

Если он сейчас взглянул в сторону ягычи, то увидел бы как сжались кулаки Кайрата. В другой раз и в другом месте, он покажет этому зазнавшемуся хану, какого рода племени. Чингисхан ведь тоже не ханом родился. Сдержался и взглянул на Узлия. Казалось, среднему сыну безразлично, но это обманчивое впечатление. Поэтому ни Кайрата, ни других присутствующих в зале не удивило его согласие. Вот только ягычи чувствовал, трон Узлий просто так не отдаст, а будет строить козни. Последним высказывался хан Урнур. Он прекрасно понимал, шансов оказаться Великим ханом, еще до выступления дервиша, у него не было. Отец, не начнись драка, предпочел увидеть на троне все же сына от первой, и действительно любимой, жены.

– Пусть будет все так, как хотят предки. Если они считают, стало быть, у них на это есть свои причины. Небо тому свидетель.

В огромном зале осталось несколько человек. Среди присутствующих были: великий хан, его старшие сыновья, дервиш, астроном Ван Тие Мин, ягычи Кайрат (воин хана Урнура собиравшийся было уйти, но его остановил правитель улуса), верховный судья и два представителя гильдии мастеров.

– Так ты и есть отец Едугея? – полюбопытствовал Улукбек, оглядывая воина.

– Да, Великий хан.

– И все еще ягычи?

– Да, хан.

Улукбек взглянул на младшего сына.

– Как же так? – обратился он к Урнуру.

– Так я же, отец, не знал, что предки изберут сына моего лучшего воина в твои приемники...

– Лучшего воина, – перебил его правитель, – Ты же сам сказал, лучшего воина. Так почему же лучшего воина ты держишь до сих пор в ягычах?

– Я исправлю свою ошибку, отец...

– Поздно. Я забираю его у тебя.

Кайрат побледнел. Не хотелось жить в Джучистане, а уж тем более служить во дворце. Такое ощущение, как будто сокола в тесную клетку сажают, а ведь ему хочется парить в небесах, созерцая с высот степь. Хан явно заметил его реакцию, но виду не показал.

– Назначаю тебя, ягычи, в личную гвардию.

Кайрат пристально посмотрел на хана. Только, что ругал сына за то, что тот держит славного воина в ягычи, а тут же сам предлагает ему ту же самую должность. И в этот раз реакция не ускользнула от Улукбека, только сейчас он вдруг молвил:

– Рядовой кешикет по рангу выше любого тысячника из войска моих сыновей, а уж ягычи – самого десяти тысячника. Будучи в моей гвардии, ты сможешь командовать, если это понадобится, даже армией моего сына Урнура. Надеюсь, ты, – он обратился к хану улуса, – Урнур, не будешь возражать?

– Небо тому свидетель, – проговорил тот, – Не буду. Так как лучшей судьбы для ягычи Кайрат-бека просто не вижу.

– Уж не стал ли ты дервишем? – расхохотался хан.

– Нет, до дервиша ему еще далеко, – молвил Ширэ Джиладкан. – Тут нужно многое предвидеть, да еще и с духами уметь разговаривать. Да и вряд ли предки разрешат встречаться с ними до того момента, пока не закончится ваш земной срок. Но впрочем, не для этого мы с вами остались здесь.

– Для чего? – полюбопытствовал хан Улукбек.

Дервиш показал рукой на лавки.

– Лучше нам присесть. Разговор может быть долгим. И для всех прочих, что были на Курултае, знать о нем не требуется.

– Ох, и хитер ты, Ширэ Джиладкан! – сказал великий хан и улыбнулся.

Заняли места, и дервиш продолжил говорить. Вначале он рассказал о приборе, что был отдан Ван Тие Мину. Хан выслушал его и уточнил, сколько времени понадобится, чтобы воины освоили его.

– Если окажутся толковые, так достаточно быстро, – заверил астроном.

Кайрату вспомнился Чойжи, если бы таких, как он было больше, то овладели искусством неизвестным куда быстрее.

– С механизмом любой человек справится, – продолжал Ван Тие Мин, – не обязательно быть воином.

Великий хан призадумался.

– Придется созвать шаманов, – проговорил он, – пусть поищут смысленых. Может кого в городе или в степи найдут.

Хан замолчал. Затем взглянул на дервиша и сказал:

– Продолжай, Ширэ Джиладкан.

Дервиш отвесил поклон и продолжил:

– Мной были переданы в гильдию мастеров рисунки нового оружия.

– Зачем нам новое оружие? – Спросил Мэнэр. – Мы и так способны противостоять...

– Противостоять кому? – Перебил его Ширэ Джиладкан. – Таким же как вы кочевникам? Или демонам? Если кочевникам, так достаточно того, что у вас есть. Каражаду, карахома да палаша с саблей вполне достаточно, но... – дервиш замолчал, взглянул на Великого хана, – этим оружием демонов не остановить. Тут нужно более совершенное.

– Но где мы возьмем его? – Прошептал Улзий.

– Его дают нам предки.

– А откуда оно у них? – удивился Урнур.

Дервиш промолчал. Он и сам не знал, а спрашивать у духов побоялся. Видимо братья поняли, ответа они не дождутся, поэтому и не удивились тому, что Ширэ Джиладкан аккуратно сменил тему разговора, переведя ее на мастеров.

– Хорошо, – молвил Великий хан, обращаясь к двум арабам, что сидели напротив астронома, – сколько времени понадобится, чтобы создать его из ничего?

– Ченгизи, по крайней мере, должно два раза обойти вокруг Юлдуз.

– Так долго? А мы успеем?

– Успеем, хан, – проговорил дервиш. – Теперь разреши продолжить?

– Говори, Ширэ Джиладкан.

Дервиш взглянул вначале на хана Урнура, затем на Кайрата и только после этого продолжил говорить:

– Извини, Великий хан, но я вынужден забрать с собой в дальнюю дорогу твоего нового ягычи. Мы должны отправиться в запретные земли, но предварительно заехать в племя тайджи Сумум-бека, чтобы взять с собой в дорогу Едугея. А кто кроме отца способен убедить ребенка отправиться в далекий путь. Или ты считаешь, что мне это удастся сделать самому?

Хан расхохотался.

– Ну, ты и хитрец, Ширэ Джиладкан. Знаю, что мертвого уговорить можешь, но вынужден согласиться с твоими словами. Никто не может повлиять на сыновей так сильно, как отец. Правильно я говорю? – обратился он к сыновьям.

– Да, хан, – дружно ответили те.

– Пусть Кайрат-бек с тобой едет. Я дам ему лучших своих кешикетов...

– Постой отец, – перебил его Урнур. Улукбек сердито взглянул на сына, но ничего говорить не стал. – Дозволь ему взять воинов из моего улуса.

– Пусть берет, – согласился правитель. – Надеюсь это все? – обратился он к дервишу.

– Все, хан.

Улукбек поднялся с трона и направился к выходу. У самых дверей за его спиной, возникли два тургауда.

– Когда, отправляться в дорогу? – любопытствовал Кайрат, оставшись с дервишем наедине.

– Через два дня, – молвил Ширэ Джиладкан. – У меня есть еще дела в этом городе. А ровно через два дня, приходи в мой дом. Ты его найдешь в городе, – замолчал на мгновение, – Где остановился дервиш все знают.

Через пару дней дервиш с небольшим отрядом всадников (только Чойжи сидел теперь верхом не на лошади, а на шаламгае), выехал в направлении расположения стойбища тайджи Сумум-бека.

Редкий для планеты, но продолжительный дождь лил три дня. Передвижение отряда кочевников замедлилось. Кайрат-бек несколько раз попытался было предложить дервишу разбить лагерь. Сперва тот отказывался, но потом все же согласился, но потребовал, чтобы ему поставили отдельную юрту. Ягычи и без слов понял почему. Когда оказались на подходящем для стоянки месте, Кайрат знаком приказал остановиться.

– Разбить лагерь, – приказал он, – Поставить шатры. Установить охрану.

Сейчас, когда они ушли далеко от города, следовало опасаться лихих разбойников, степных людей – кайсаков. Свободные и независимые искатели приключений изредка совершали набеги на небольшие отряды. Обычно, они видели шагающего по степи дервиша, старались избегать с ним встречи, но сейчас, когда судьба ханства висела на волоске, можно было ждать любой подлости. Кайсаков для уничтожения отряда мог нанять один из сыновей хана Улукбека. Если обстоятельства этого требуют, то вряд ли их остановит ливень.

– Всем зарядить оружие! – распорядился ягычи.

Сам достал из саадака карахом. На всякий случай проверил. Спрыгнул с коня и подошел к Ширэ Джиладкану.

– Сейчас поставят палатку, и вы сможете развести костер и отдохнуть.

– Я хотел, чтобы ее поставили в стороне от всех. Вон там, – проговорил дервиш, указывая на север.

– Боюсь я не смогу дать такое распоряжение.

– Это еще почему? – гневно спросил Ширэ Джиладкан. – Опасаетесь нападения?

– Боюсь, что ханы остались недовольны вашим предсказанием. Если вы не вернетесь с Едугеем в город, они заявят, что духи переменили свое решение.

– Думаете, они на это пойдут?

– Уверен.

– Хорошо. Ставьте шатер, где считаете нужным, но просьба: ни один из воинов не должен входить внутрь без моего разрешения.

Кайрат удивленно взглянул на дервиша, тот усмехнулся и добавил:

– Даже ты.

Закипела работа. Воины ставили шатер за шатром. Кайрат подозвал к себе Чойжи. Тот бегом подбежал и опустился на одно колено, которое тут же намокло.

– Звал, Кайрат-бек? – спросил он.

– Звал. Встань, а то простудишься. Пойдем в шатер. Там и поговорим.

Батыр поднялся, отряхнул с колена прилипшую землю и проследовал за военачальником.

– Вот что Чойжи, – проговорил Кайрат, вытянув руки к костру. – Езжай на своем шаламгае к моему отцу. Отсюда до них четырнадцать дней пути, ты на своем «звере» доберешься куда быстрее. Если они оттуда ушли, вернешься, если нет, то сообщишь о приближении нашего отряда Сумум-беку.

Воин кивнул.

– Все сделаю, ягычи.

– Выезжай сейчас. Нечего ждать, когда погода наладится. И будь осторожен.

Чойжи удивленно взглянул на приятеля. Вновь кивнул, понимая, что имел виду военачальник.

– Хорошо, ягычи.

– Тогда ступай.

Батыр ушел, но побыть одному Кайрату не удалось. Заглянувший нукер доложил, что шатер для дервиша установлен.

– Поставь недалеко двух воинов. Да скажи, чтобы ни они, ни кто другой не тревожили пророка.

Нукер ушел выполнять приказ. Кайрат же сходил за циновкой, что была закреплена на спине лошади, и только потом вернулся в шатер. Расстелил ковер на земле палатки и лег спать. Сколько раз он ночевал вот так в походе, но сегодня сон не шел. Ягычи ворочался. Вспоминал слова, произнесенные Ширэ Джиладканом на Курултае. Думал о хане улуса Урнуре. Интересно, что чувствует потомок Джучи, когда власть, которая по праву принадлежит ему по праву, уходит из его рук, сыну какого-то ягычи, пусть и служившего ему столько лет верой и правдой? Скорее всего, Урнур, как бы ему не было тяжело, воспримет волю духов с должным уважением, а вот Мэнэр и Улзий...

– Ягычи! – раздался вдруг голос буюрука Акуда.

– Что случилось? – спросил Кайрат, поднимаясь.

– Разведка донесла: к нам приближается отряд кайсаков.

– Количественно?

– Сто человек.

Кайрат-бек в сердцах плюнул. Этого он больше всего опасался. Теперь придется дать бой.

– Значит так, – проговорил он, – берешь половину своей сотни и сажаешь на коней. Я, с оставшимися нукерами, открою оружейный огонь. Еще четверо, пусть охраняют дервиша.

Мы должны уничтожить разбойников любой ценой. От этого будет зависеть не только наша жизнь, но и будущее.

Лагерь ожил. Часть воинов уже сидела в седлах и ждала приказа. Другие, вытащив караджаду, приготовились открыть огонь по приближающимся всадникам, что летели на них с гиканьем.

– Тут нужно по-тихому действовать, – прошептал Кайрат, и вдруг понял, что разбойники обычно так не поступают. – Неужели кто-то из сотни братьев Урнура?

Но как бы то ни было, следовало дать бой. Ведь не в гости скачут.

– Огонь! – прокричал ягычи, когда кайсаки оказались на расстоянии выстрела.

Грянул залп. Дервиш высунулся из шатра и тут же вновь скрылся внутри. С десятков всадников полетели с коней. Если бы это были разбойники, считал Кайрат, то они уже давно бы повернули назад, после того как получили отпор.

Еще залп и вновь трупы атакующих. И тут в бой вступил отряд Акуда. Тучный, слегка похожий на медведя, буюрук на низкорослой лошадке повел воинов вперед. С криками:

– Хура!

Нукеры ворвались в ряды кайсаков, размахивая палашами, саблями направо и налево. До Кайрата доносились звон железа, ругань и вопли раненых. Ягычи взглянул на своих воинов, те готовы были присоединиться к товарищам, что дрались в этот момент с разбойниками.

– Ты, ты и ты, – проговорил полководец, ткнув пальцем в трех нукеров, – Остаетесь в лагере. Будете стеречь дервиша. Чтобы ни один разбойник не посмел его коснуться.

Лица были, конечно, недовольные, но приказ есть приказ. Сам Кайрат взглянув на оставшихся батыров, скомандовал:

– За мной!

И уже через несколько мгновений отряд несли с криками на помощь товарищам.

Рубились долго. Когда начало темнеть, отряд кайсаков (то, что от него осталось) дрогнул. Предводитель разбойников прокричал:

– Отходим.

Собравшиеся преследовать врага, воины были остановлены ягычи.

– Пусть уходят, – проговорил Кайрат-бек, вытирая тряпочкой окровавленный палаш. – С утра посмотрим, нет ли среди убитых кайсаров знакомых нам ханских людей.

Отряд вернулся к лагерю. Ягычи спрыгнул с коня, подал поводья воину и направился в свой шатер.

– Акуда, – проговорил он, останавливаясь у порога, – Посчитай, сколько мы сегодня человек потеряли.

– Хорошо, ягычи, – молвил буюрук и пошатнулся.

– Ты ранен?

– Да, ягычи! Но я выполню твой приказ.

Уже потом Кайрат сожалел, что не поручил посчитать убитых другому воину.

Утром Ширэ Джиладкан выбрался из шатра и взглянул на поле боя. Сеча явно была на славу, а ведь духи предупреждали, что найдутся такие, кто воспротивится их указаниям.

– Жаль, конечно, – прошептал дервиш, вытирая с лица капли дождя, – Очень жаль.

Опираясь на посох, он направился к шатру ягычи. Хотел попросить разрешения войти, но Кайрат-бек вышел сам.

– Пора отправляться в путь, ягычи, – проговорил Ширэ Джиладкан.

– Если бы не это, – молвил Кайрат, показывая в сторону лежащих тел ратников, – сейчас бы отправились. Да вот только совесть не позволяет мне, после всего, что произошло прошлым вечером, уйти отсюда, не предав тела человеческие земле.

Дервиш понимающе кивнул. Традиция хоронить покойников после схватки осталась еще со времен Тимуджина.

– К тому же, – продолжал ягычи, – Я должен узнать, кто эти люди.

Кайрат оглядел воинов, занимавшихся своими делами и, подозвав одного и нукеров.

– Отыщи мне Акуду, – приказал ягычи

– Боюсь, он не сможет подойти, – проговорил батыр, – Буюрук Акуда серьезно ранен.

Ночью им овладел озноб, ягычи.

– Где он?

– В своем шатре...

– Веди меня к нему.

– Я тоже пойду с вами, ягычи, – проговорил дервиш.

Великан Акуда лежал на циновке. Лицо его было бледным. В правой руке он сжимал рукоять палаша. Ширэ Джиладкан даже испугался, что в бреду тот нанесет смертоносный удар, кто приблизится к нему.

– Буюрук! – громко сказал Кайрат-бек, входя в шатер.

– Ягычи, – пробормотал воин, открывая глаза. – Я рад, что увидел вас перед кончиной, – прошептал он. – Думал, что рана пустяковая, а гляди, вон как все повернулось.

– Ничего, выживешь...

– В этот раз нет, – прошептал Акуда.

Дервиш отстранил ягычи в сторону. Кайрат не ожидал такой наглости.

– Дай мне взглянуть, – произнес Ширэ Джилдакан, делая шаг к раненому.

– Пусть смотрит, – прошептал сотник, – Я все равно не жилец.

– Это мы еще посмотрим, – проговорил пророк, склоняясь над батыром.

В тот день Кайрат-бек впервые видел, как дервиш лечил человека. Обычно ранеными занимались табибы, если у них ничего не выходило, и воин уходил в мир иной, тогда наступала работа шаман. Колдун снимал оковы, что связывали душу с телом, а затем предавал тело земле, из-за боязни, что труп достанется голодным Гарвам. Вот только сейчас с собой в поход шамана не прихватили. Надеялись, что для становища Сумум-бека доберутся без приключений. Но, увы, не получилось. Сейчас обязанности шамана мог исполнить Ширэ Джилдакан.

Между тем дервиш опустился перед сотником на колени. Снял с груди амулет и поднес к ране. Долго над ней водил, а затем, закрыв глаза начал бормотать не то молитву, не то заклинание. Кайрату вдруг показалось, что в голове его что-то загудело. Он непроизвольно сделал шаг назад. Неожиданно дервиш замолчал. Резко открыл глаза и произнес, отчетливо проговаривая каждое слово:

– Теперь мы можем уйти. Думаю, вскоре буюруку станет лучше.

– Да, да, – пролепетал полководец и попятился из шатра.

Как только он пересек невидимую линию порога, гул в голове прекратился.

– Вроде вы хотели захоронить убитых, ягычи? – вдруг проговорил дервиш.

– Хотел.

Чтобы набрать служивых, пришлось прибегнуть к помощи багатура. До этого неприметный пехлеван быстро справился с заданием. Но прежде чем приступить к похоронам Кайрат стал осматривать трупы. Он подходил поочередно, то к одному, то к другому. Отличить кайсаков от воинов хана Улукбека оказалось проще простого. Все разбойники облачены в архалук. На воинах правителя одинаковые для всех доспехи. Кайсаков Кайрат-бек ногой переворачивал на спину, если это было необходимо, и минуты две вглядывался. Батыров Улукбека приказывал оттащить в сторону. Предполагалось, что их захоронят отдельно, а пайцзы, что висели на шее, будут отданы родным воина. Возле одного из разбойников ягычи задержался. Вглядывался в него очень долго, потом вздохнув, проговорил:

– Этого я видел в стане хана Мэнэра.

Он хотел было пнуть со всей силы убитого, но передумал. Воин пошел на злое дело не по доброй воле – это первое, а второе, его душа так и останется в теле и не сможет его покинуть. Дервиш согласился освободить только мертвых нукеров.

– Все-таки хан Мэнэр, – прошептал Кайрат.

Уверенности не было, что в нападении участвовали люди Улзия. Вполне возможно, что кто-нибудь из них уцелел, удрал с поля боя, а может быть и то, что ягычи просто ни одного из воинов среднего брата в жизни не встречал.

Вернулись с дервишем в лагерь, где их ждал уже улыбающийся Акуда.

– Вы смогли меня вытащить с того света, – прошептал батыр обращаясь к Ширэ Джиладкану. И трудно было понять из его слов, радовало это или огорчало.

– Не я, – сказал дервиш, – духи. Они захотели, чтобы вы, буюрук Акуда, были живы. Вы им нужны здесь, а не там.

Пророк хотел было сказать на небесах, но сдержался. Сейчас, когда с небес грозила опасность, слова прозвучали бы слишком глупо.

– Вы, умрете в другой битве, – пообещал Ширэ Джиладкан.

– Или меня отвезут в запретные земли.

– Это тоже нельзя исключать, – кивнул в знак согласия дервиш. – А теперь извините, я устал.

– Вот такие вот дела, – проговорил Кайрат, провожая взглядом идущего в шатер пророка, и, как теперь выяснилось, целителя. Затем взглянул на Акуда, – пойдём в шатер, друг мой, – проговорил ягычи, – выпьем кумысу. На душе, признаюсь тебе, тошно.

Буюрук понимающе кивнул.

Похоронные дела заняли весь день. Вечером отправляться в путь уже не было желания, люди нуждались в отдыхе. Выступили утром. Да и дождь, хвала Небесам, прекратился.

С того дня прошло семь дней, за это время больше никто не решился напасть на отряд. Вполне возможно, что оба сына хана Улукбека, общались с шаманами правителя. Не удивительно если те, предупредили наследников, что оба хана своими действиями разгневали духов предков. Дервиш медленно брел впереди отряда, опираясь на посох, невольно улыбнулся. Так и должно быть. Он пару раз оглянулся и посмотрел ехавшим за ним всадникам. Ягычи и буюрук о чем-то разговаривали. На легком ветерке колыхался стяг нукеров. Воины придерживали караджаду, опасаясь, что эта мирная идиллия может закончиться.

Неожиданно под чапаном – стеганным длинным халатом, заботливо подаренным Ширэ Джиладкану самим Улукбеком, амулет стал нагреваться.

– Вот только не сейчас, – пробормотал дервиш и остановился.

Его тут же окружили воины.

– Что случилось, уважаемый? – поинтересовался Кайрат-бек.

– Нужно разбить лагерь, ягычи, – проговорил Ширэ Джиладкан, – Или установить для меня одному юрту. Нужно пообщаться с духами, – добавил он.

Ягычи понимающе кивнул. Раз уж сам дервиш предложил передохнуть, решил полководец, так почему не воспользоваться, тем более, привыкшим спать в седле, хотелось хоть на мгновение прилечь на степную траву.

– Ставим лагерь, – распорядился Кайрат. – Вот только в этот раз ваша юрта, уважаемый Ширэ Джиладкан, – обратился он к дервишу, – будет в центре.

– Опасаетесь, что вновь могут напасть, ягычи?

– Могут. И на этот раз это могут быть и не люди ханов улусов.

Пояснять, кто на них может напасть не требовалось. Дервиш в ожидании, когда ему поставят юрту, сел на землю скрестив ноги. Всадники слезли с коней. Началась уже привычная суета. Буюрук отдавал распоряжения батырам, указывая, что конкретно каждому нужно

делать. Первую юрту установили нищему. Тот сразу же поднялся с земли и потребовал достать ему дров, чтобы разжечь очаг. Буюрук тут же распорядился, чтобы двое нукеров отправились в соседний лес. Пока они отсутствовали, из валявшихся на земле камней, Ширэ Джиладкан создал очаг. Воткнул позади него посох, но амулет пока вешать не стал. Закрыв глаза.

– Разрешите? – раздался с улицы голос.

– Входи батыр, – промолвил дервиш.

В шатер вошел молодой воин в доспехах, на боку висела сабля, за спиной караджаду. Малахай съехал на бок, в руках батыр держал небольшую вязанку сухих веток.

– Для очага, – проговорил он.

– Положи и ступай. Скажи другим, чтобы в шатер не входили.

Воин поклонился и вышел. Дервиш достал зажигалку, специальное приспособление для быстрого розжига огня, созданное китайскими мудрецами да арабскими ремесленниками. Отыскал среди травы несколько сухих соломинок. Скрутил их и попытался зажечь. Едкий и противный дым наполнил юрту и устремился в отверстие. Трава вспыхнула и тут же полетела к веткам. Яркий огонь озарил помещение.

Вернув зажигалку в карман, Ширэ Джиладкан расстегнул чапан и дотронулся до амулета. Тот был горячим, и казалось, брось его, вместо соломы, в костер, огонь вспыхнет непременно. Еле удержал в руках и тут же примостил на посохе. Оглядел юрту, опасаясь, как бы кто в нее, пока он был занят огнем, не вошел. Не хотелось, чтобы произошло так же, как было несколько месяцев назад в стойбище Сумум-бека. Убедившись, что посторонних нет, запел. Делал он это тихо и жалобно. Затем закрыл глаза. Образ темноволосого воина с голубыми глазами возник из пустоты. Рядом появился ханский трон.

– Ширэ Джиладкан, – проговорил он грозно.

– Да, Джучи, – пробормотал дервиш. – Ты звал меня.

– Да, Ширэ Джиладкан. Звал.

– Что-то случилось, Великий хан?

– Случилось, Ширэ Джиладкан.

Дух первого правителя Ченгези опустился на трон и гневно посмотрел на дервиша.

– У меня для тебя плохие новости, Ширэ Джиладкан.

Нищий вздрогнул. Если бы сейчас кто-нибудь заглянул в юрту, то заметил, как пророк побледнел. Руки дервиша невольно вытянулись вперед. Он почувствовал, как их коснулось пламя. Ширэ Джиладкан вновь вздрогнул.

– Что случилось? – пробормотал дервиш.

– Сын Кайрат-бека – Едугей, – дух замолчал. Тянул, словно не зная, стоит ли говорить или нет. Но все же сказал, – Едугей заболел. Если ты не поспешишь, то миссия будет провалена, и нам придется искать другого человека на роль хана.

– Его можно спасти?

– Если ты успеешь, то да.

– Сколько у меня времени?

Дух Джучи ничего не ответил, но Ширэ Джиладкан и так уже понял, что не так уж и много. Неожиданно образ первого хана начал блекнуть.

– Когда прибудешь на место, свяжешься с нами и сообщишь. Уже там решим, как поступить. Если, конечно, успеем.

Дух исчез, Дервиш открыл глаза. В юрте он один. Несколько минут сидел, не шелохнувшись, вглядываясь в огонь. Затем встал и коснулся амулета. Холодный. Надел на шею. Встал и, взяв посох, вышел из шатра.

На улице уже начало темнеть. Ярko горели костры, возле которых грелись воины. Они вздрогнули, когда из своей юрты вышел пророк. Десятник встал и направился к Ширэ Джиладкану.

– Где ягычи? – проговорил дервиш.

– В своем шатре.

– Веди меня к нему.

Богатур вытащили из костра ветку.

– Следуйте за мной, уважаемый.

Они миновали несколько юрт и остановились. Десятник намеревался было зайти и доложить, что к ягычи рвется дервиш, но Ширэ Джиладкан отстранил его:

– Не надо. Стой тут.

Богатур кивнул. Дервиш отодвинул в сторону войлок, закрывавшую вход, и вошел внутрь. Ягычи лежал на циновке, сложившись калачиком, и казалось, что спал.

«Ханский пес», – подумал дервиш.

Эти слова, произнесенные вслух, прозвучали бы для Кайрат-бека как комплимент, но Ширэ Джиладкан закашлял и выговорил:

– Ты спишь, ягычи?

– Нет, – сказал Кайрат, поднимаясь. – Что-то случилось, дервиш?

– Боюсь, что да, ягычи.

– Что-то серьезное?

– Твой сын болен. Если мы не поспешим, то не успеем.

– Это тебе сказали духи, дервиш? – уточнил ягычи.

– Они. Вернее он. Ко мне явился сам Джучи.

– Значит все серьезно.

– Боюсь, что да.

Ягычи встал и подошел к входу в шатер. Отодвинул в сторону полотно и вздохнул.

– Выедем завтра поутру. Все равно не успеем прибыть туда раньше, чем через семь дней.

– Семь дней? – переспросил дервиш.

– Семь дней, – подтвердил Кайрат.

Ягычи умолчал, что со времени его последнего визита в родное стойбище, прошло много времени. Сумум-бек запросто мог переместиться со всем семейством в другое место. Он вопросительно взглянул на Ширэ Джиладкана.

– Ты ведь был там недавно, дервиш, – проговорил Кайрат.

– Был. Когда я шел оттуда в город дни не считал. Вот только мне кажется, что стойбище не ушло из тех мест.

Ягычи сел. Задумался. Вглядывался в огонь. Дервишу вдруг показалось, что сейчас в огне возникнет Джучи, но ничего не произошло.

– Проверить это мы с тобой, уважаемый сможем, когда прибудем туда, – проговорил вдруг полководец. – Вот что сделаем: мы с тобой, прихватив только десять воинов, поедем к Едугею.

Дервиш удивленно взглянул на Кайрата.

– Тогда успеем добраться туда за четыре-пять дней. Ты, Ширэ Джиладкан, ездил когда-нибудь в седле?

– Когда-то в юные годы, ягычи, – проговорил нищий.

– Уже хорошо. А там будем надеяться, что успеем.

Слова разбудили в душе дервиша надежду. Шанс, что застанут Едугея еще живым, не стал казаться таким уж призрачным. Ширэ Джиладкан поклонился и вышел.

– Богатур! – Прокричал Кайрат.

В юрту заглянул десятник.

– Отбери десять отменных воинов. Я, дервиш и они отправляемся завтра в путь. И пригласи сюда буюрука Акуду.

Быстрее вероятно только птица может лететь, думал Кайрат-бек, когда скакали к умирающему Едугею. Сердце щемило оттого, что не успеет сына в живых застать он. Отчего и спешили. Даже дервиш был с этим смириться. Ширэ Джиладкан не сомневался, что если отряд не успеет и мальчишка все-таки умрет, духи предков найдут какую-нибудь другую кандидатуру на роль Великого хана. Главное только во второй раз не просчитаться.

Кайрат вдруг обратил внимания, что дервиш на маленькой пегой лошаденке Акуда, начал немного отставать. Тяжело вздохнул и подумал:

«Этак мы, я боюсь, и за четыре дня не успеем. Нужно было его на коня еще раньше посадить».

Ягычи поправил карахом, который висел теперь пристегнутым к седлу. Остановил коня и дождался пока к нему подъедет дервиш.

– Может тебе коня, уважаемый, поменять? – предложил Кайрат-бек, когда с ним сравнялся Ширэ Джиладкан.

– Не вижу смысла, ягычи. Дело не в нем, – дервиш погладил животное по гриве, – А во мне. Забыл навыки. В детстве еще мальчишкой непутевым скакал по степи. Не думал, что когда-нибудь придется вот так вот скакать по степи.

– Тогда может, к одному из нукеров за спину сядешь? Или ко мне?

Ширэ Джиладкан промолчал.

– Понимаешь, – продолжал ягычи, – Я же видел как ты, уважаемый, вернул к жизни буюрука. Он теперь тебя всю жизнь будет благодарить.

– Вернул. Так ведь и о ране я знал. А вот чем болен твой сын, ягычи, мне не ведомо. Может быть, так случится, что даже духи окажутся бессильны.

Кайрату не хотелось верить, что всемогущие предки окажутся неспособны исцелить его сына. Ведь им выгодно, чтобы Едугей жил. Ведь это они, а не хан Улукбек, и даже не Ширэ Джиладкан, предложили его на роль Великого хана. Это сделали духи. Дервиш словно прочитал мысли полководца, взглянул на ягычи и произнес:

– Если успеем, то они нам помогут, а если нет...

Ширэ Джиладкан замолчал на полуслове. Он попытался подобрать слова, но у него ничего не выходило. Неожиданно он взглянул куда-то вдаль, потом дотронулся до гривы лошадки и пробормотал:

– Если бы Великий хан тогда моего предшественника послушался, то мы бы уже давно с тобой сидели в юрте тайджи Сумум-бека, ели сыр и пили кумыс.

Ягычи на это ничего не сказал, но подумалось ему, прав дервиш.

К ним подсказал один из нукеров.

– Впереди виден поднимающийся в небо столб пыли, ягычи, – доложил он. – Оно приближается к нам.

– Шаламгай, – прошептал Кайрат-бек.

– Что? – Переспросил дервиш.

– Шаламгай Чойжи, – пояснил ягычи, – Он едет к нам на встречу. Уважаемый, нужно поспешить, – проговорил он и хлестнул нагайкой коня.

Дервиш последовал его примеру.

Они подскакали к остановившимся нукерам. Несколько воинов уже скинули караджаду и ждали приказа открыть огонь. Кайрат пригляделся и проговорил:

– Похоже, Чойжи возвращается. Будем надеяться, что Урга моего отца не сменила место обитания.

– Вряд ли это случилось, – проговорил Ширэ Джиладкан, подъезжая к нему. – Если бы такое произошло, духи сообщили мне.

Кайрат хотел сказать, что предки многое не знают, но смолчал. Опасался ягычи, что дервиш сообщит им об его словах. И тогда придется ему вечно скитаться по планете или что еще, хуже гнить в мертвом теле.

Чойжи остановил шаламгай. Тот перестал рычать, как голодный барс. Соскочил с седла и, подбежав к Кайрат-беку, опустился перед полководцем на правое колено.

– Ягычи, – обратился он к своему другу, – У меня плохие новости, – воин опустил голову. Уставился в темную землю.

– Говори, батыр, – приказал Кайрат-бек.

– Твой сын Едугей при смерти, ягычи.

– Я в курсе, батыр. Мы спешим, чтобы вылечить, но боюсь, не успеем. Поведай нам с дервишем, как это произошло.

Ягычи собрался слезть с коня, но дервиш остановил его.

– Может, когда в ургу приедем, поведает нам Чойжи, что случилось с Едугеем.

– Нет, уважаемый. Пусть он тут нам расскажет, а ты, пока мы едем, обдумаете, как поступить...

Ширэ Джиладкан хотел переубедить, но понял, что время уйдет на это гораздо больше.

– Хорошо, – проговорил он, – я выслушаю воина.

Они сели на землю. Кайрат-бек показал, чтобы Чойжи присоединился к ним. Батыр выполнил его просьбу и стал рассказывать. В его словах слышалась тоска и грусть.

– Два дня назад я прибыл в Ургу Сумум-бека, – начал он свой рассказ: – Встретился с тайджи. Сообщил ему и твоим братьям, что вскоре отряд во главе с ягычи Кайрат-беком приедет в Ургу. Отец твой Сумум-бек полюбопытствовал, с какой целью, и мне пришлось все рассказать. Твой младший брат тут же отправил супругу, чтобы она привела Едугея. Ее долго не было, а когда вернулась, сообщила, что нашла мальчишку лежащего на земле. Я и твои братья отправились следом за ней. Вернулись в юрту, неся на руках Едыгея. Что-то произошло. Табиб Сумум-бека не знает, как и чем его лечить. Считает, что твоему сыну осталось жить два-три дня.

– Не успеем, – пролепетал дервиш, закрывая лицо руками. – Не успеем!

– Я так не думаю, – проговорил Кайрат-бек, разглядывая вот уже который раз шаламгай. – Чойжи?

– Да, ягычи.

– Сможет ли шаламгай выдержать троих или скажем двоих?

– Троих? Не уверен, ягычи, а вот двоих вполне.

– Замечательно, – улыбнулся полководец, взглянул на дервиша. – Надеюсь, ты будешь не против, уважаемый, чтобы прокатиться до Урги Сумум-бека на этом дивном механизме?

– А сколько уйдет на это времени? – Спросил Ширэ Джиладкан, обращаясь к батыру.

– Я сюда добрался за день.

– Четыре на конях, день на шаламгае, – пробормотал дервиш. Ему было немного страшно, и всё же он решился. – Думаю, я смогу.

– Вот и хорошо, – проговорил ягычи.

Кайрат поднялся с земли. Поправил доспехи. Взглянул еще раз на шаламгай.

– Значит так, – продолжил он. – Я с отрядом поеду неспешно, а вы мчитесь к Сумум-беку. – Ягычи подошел к Чойжи, взял его за грудки и произнес, – Ты должен! Понимаешь, ты должен доставить его в Ургу тайджи любой ценой!

– Я выполню все, как ты велишь, ягычи.

Дервиш проследовал за батыром. Забрался на сидение позади него и руками схватился за специальный выступ. Причем хватка у него была мертва. Чойжи улыбнулся и, сделав непонятные для Кайрата манипуляции, привел механизм к жизни. Затем махнул рукой и шаламгай сорвался с места.

Минут через пятнадцать он скрылся за горизонтом.

Прошел всего лишь день и вот уже Ширэ Джиладкан увидел, сидя позади Чойжи, юрты Урги тайджи Сумум-бека. Никогда он не преодолевал огромное расстояние, за такое короткое время. Дервиш крепко держался за выступ, опасаясь, что может просто свалиться, а батыр, смотрящий все время только вперед, этого запросто не заметит.

– Скоро приедем, уважаемый, – проговорил он, поворачиваясь к Ширэ Джиладкану. – Потерпите чуть-чуть.

– Да, да, – промямлил дервиш.

Чойжи улыбнулся. Ему были по сердцу эти места. В степи он чувствовал себя уверенно, не то, что в городе. Здесь всё было совершенно другим: и зеленая трава и чистое голубое небо. А главное тишина. Батыр уже начал за всё это время, проведенное в походах, отвыкать. Сейчас, вернувшись в родные пенаты, Чойжи вновь испытал знакомые с детства чувства. Сколько же времени прошло с того дня, когда они уходили вместе с Кайрат-беком на военную службу к хану Урнуру? Он даже не помнил. А ведь тогда, молодой батыр вдруг впервые подумал, что не вернется сюда никогда. Да только судьба распорядилась по-своему. Ему чтобы вернуться сюда пришлось даже освоить шаламгай. Да только видимо это того стоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.